

Процессъ Д. И. Писарева.

Д. Н. ПИСАРЕВЪ.

Процессъ Д. И. Писарева.

Врядъ ли можно знать меньше, чѣмъ извѣстно было до сихъ поръ о причинахъ и обстоятельствахъ очень интереснаго политическаго процесса нашего знаменитаго критика и публициста, Д. И. Писарева. Бѣдность свѣдѣній по этому поводу прямо поразительна. Точно все оно произошло не на глазахъ живыхъ людей и потомъ было кѣмъ-то вырвано изъ ихъ памяти.

Очень обширное дѣло сенатскаго архива даетъ возможность пополнить, и притомъ весьма содержательно, такой непростительный пробѣлъ.

I.

13-го іюня 1862 г. къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, Горбановскому, явился студентъ Баллодь ¹⁾ и просилъ напечатать съ принесеннаго имъ готоваго набора 360 экземпляровъ прокламаціи по адресу офицеровъ. Получивъ согласіе на исполненіе такого заказа, онъ сказалъ, что зайдетъ за нимъ утромъ 15-го, и удалился. Вечеромъ того же дня Горбановскій принесъ полученный наборъ экзекутору департамента и разсказалъ все, что зналъ, не скрывъ при томъ, что въ квартирѣ своей жены онъ недавно открылъ небольшую типографію, еще не заявленную полиціи.

Разумѣется, сейчасъ же обо всемъ было сообщено по на-

¹⁾ Сынъ священника въ Лифляндской губерніи, Петръ Давидовичъ Баллодь воспитывался въ рижской семинаріи; окончивъ ее, поступилъ въ Петербургъ въ Медико-Хирургическую академію, а въ 1858 г. перешелъ на естественный факультетъ тамошняго университета.

чальству, и раннимъ утромъ 15-го іюня у квартиры Горбановскаго дежурила полицейская засада.

Дѣйствительно, къ 7 часамъ туда явился слуга Баллода, Лисенковъ, и въ качествѣ удостовѣренія, что онъ присланъ именно за прокламаціей, предъявилъ одинъ ея экземпляръ. Его арестовали, сняли допросъ и отправили въ полицію; то же сдѣлано было съ Горбановскимъ.

Въ 11 часовъ утра нагрянули къ Баллоду, жившему въ меблированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ. Тамъ нашли всевозможныя прокламаціи, типографскія принадлежности и бумаги самого хозяина и уѣхавшаго товарища его, Еленина. Затѣмъ направились въ сосѣднюю комнату, занимаемую Н. И. Жуковскимъ, которому тоже служилъ Лисенковъ. Тамъ въ его отсутствіе взяли кое-какія бумаги. Баллодъ былъ арестованъ при полиціи.

Вечеромъ случайно обнаружили его вторую квартиру на Выборгской сторонѣ, произвели въ ней обыскъ, обнаруживъ много шрифта, типографскихъ принадлежностей и нѣсколько заграничныхъ изданій. 18-го привезли туда Баллода, удостовѣрившаго принадлежность себѣ всего найденнаго.

20-го іюня членъ особой высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ князя А. Ѳ. Голицына, генераль-маіоръ Слѣпцовъ, объявилъ комиссіи, что государь лично приказалъ ему передать комиссіи свою непреклонную волю, „чтобы она обратила преимущественно и безотлагательно вниманіе на дѣйствія арестованнаго при полиціи студента Баллода“. Немедленно были приняты мѣры, и уже 25-го числа д. ст. сов. Каменскому было поручено разсмотрѣніе бумагъ Баллода, Жуковского и Еленина. вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-полицеймейстеру было предписано разыскать Жуковского, а III Отдѣленію сообщено о необходимости обратить вниманіе на Еленина и хозяйку второй квартиры Баллода—Максимовичеву.

27-го, когда Каменскій ознакомилъ уже комиссію съ содержаніемъ переданныхъ ему бумагъ, послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ¹⁾ допросила Баллода и Лисенкова. Первый

¹⁾ Кн. Голицынъ, оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, командированный отъ петербургскаго военнаго генераль-губернатора, генераль-маіоръ Огаревъ, управляющій III Отдѣленіемъ—генераль Потановъ, командированный военнымъ министромъ свиты его величества ген.-маіоръ Слѣпцовъ, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ д. ст. сов. Туруновъ (а потомъ

былъ уже 21-го заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а второй отпущенъ на свободу подъ надзоръ полиціи.

Баллодь съ самаго начала заявилъ комиссіи, что дастъ исполнѣ вѣрныя и подробныя показанія, которыя будутъ отличаться отъ сдѣланныхъ раньше въ полиціи. „Къ показаніямъ, даннымъ мною на приложенныхъ листахъ, я не имѣю ничего прибавить“,—написалъ онъ въ концѣ своихъ вторыхъ показаній.

Относительно своей, по теперешней терминологіи—конспиративной, квартиры Баллодь заявилъ, что не прописался тамъ только потому, что еще не исполнѣ переѣхалъ, такъ какъ хозяйка ея, Максимовичева, уѣхала сама лишь 20-го мая. Съ Николаемъ Жуковскимъ знакомъ около трехъ лѣтъ, черезъ брата его, Владиміра, судебного слѣдователя въ Уфѣ; Еленинъ—товарищъ по рижской духовной семинаріи, уѣхалъ на лѣто въ Ригу и, думая возвратиться осенью, оставилъ ему свои вещи. „Все участіе Николая Жуковского состояло въ томъ, что онъ мнѣ досталъ отъ Горбановскаго одинъ старый и новый валикъ и краски. Больше же никакого участія онъ не принималъ; онъ даже иногда смѣялся надъ бесполезностью моихъ трудовъ. Листки, напечатанные мною, я давалъ ему, но какіе именно и сколько, я не помню“. Съ Горбановскимъ познакомился въ конторѣ Янова и К^о, кѣторю управлялъ Н. Жуковский. До этого въ январѣ просилъ послѣдняго переговорить съ Горбановскимъ, не возьмется ли тотъ напечатать статью Огарева — „Что нужно народу“, приложенную къ „Колоколу“. Горбановскій далъ согласіе, началъ наборъ, но затѣмъ отказался, сказавъ, что она требуетъ много шрифта, а убыль его въ казенной типографіи легко можетъ быть замѣчена¹⁾.

Слѣдующіе вопросы комиссіи касались найденныхъ при обыскахъ у Баллода прокламацій и бумагъ.

Среди первыхъ особеннымъ вниманіемъ ея пользовалась про-

Ждановъ), командированный министромъ юстиціи оберъ-прокуроръ 4 департамента сената, д. ст. сов. Гедда и дѣлопроизводитель—д. ст. сов. Волыевскій.

¹⁾ Баллодь много работалъ и въ области естествознанія. Онъ велъ изданіе перевода извѣстной анатоміи Гиртля, который дѣлалъ вмѣстѣ съ академикомъ Ал. С. Фамининымъ, тогда студентомъ. По ходатайству послѣдняго, ему были выданы потомъ всѣ рукописи перевода, изытыя у Баллода на обыскѣ.

кламація „Молодая Россія“. Распространена она была, по-видимому, въ массѣ экземпляровъ. Напримѣръ, изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ Валуева къ председателю комиссіи, кн. Голицыну, ясно, что въ половинѣ мая въ Москвѣ ее разбрасывали на бульварахъ, площадяхъ и у подъѣздовъ, посылали по городской почтѣ, а нѣсколько экземпляровъ найдены были даже въ адресной книгѣ студентовъ университета.

Она очень взволновала не только правительство и реакціонеровъ, но и либеральную часть общества, а въ болѣе радикальной не вполне одобрялась, благодаря нѣкоторымъ своимъ пунктамъ, вродѣ уничтоженія семьи и брака. „Молодую Россію“ осуждалъ даже такой „бунтарь“, какъ Бакунинъ, въ своей брошюрѣ „Романовъ, Пугачовъ или Пестель“, изданной въ 1862 году въ Лондонѣ. Разразившіеся, вслѣдъ за ея появленіемъ, пожары въ Петербургѣ были приписаны центральному революціонному комитету, и потому понятно, какъ хотѣлось комиссіи кн. Голицына узнать что-нибудь отъ Баллода.

Въ виду безусловнаго интереса этой прокламаціи привожу ее по возможности полностью съ подлинника.

МОЛОДАЯ РОССИЯ.

„Крайности ни въ комъ нѣтъ, но всякій можетъ быть незамѣнимой дѣйствительностью; предъ каждымъ открытыя двери. Есть что сказать человѣку—пусть говоритъ,—слушать его будутъ; мучить его душу убѣжденіе—пусть проповѣдуетъ. Люди не такъ покорны, какъ стихіи, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной массой; ни она несамобытна, ни мы независимы отъ общаго фона картины, отъ одинакихъ предшествовавшихъ вліяній,—связь общаго есть. Теперь вы понимаете, отъ кого и кого зависить будущность людей и народовъ?

„— Отъ кого?

„— Какъ отъ кого?.. Да отъ насъ съ вами, напримѣръ. Какъ же послѣ этого сложить намъ руки“.

А. Герценъ. (Робертъ Оуэнъ).

Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія. Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій, и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части,

интересы которых диаметрально противоположны, и которыя, следовательно, стоят враждебно одна къ другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа, угнетаемаго и ограбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти, народа, который грабятъ чиновники и помѣщики, продающіе ему его же собственность—землю увеличивающій болѣе чѣмъ вдвое прямыя и косвенныя подати и употребляющій полученныя деньги не на пользу государства, а на увеличеніе распутства двора, на приданое на награду холоповъ, прислуживающихъ ему, да на войско, которымъ хочетъ оградиться отъ народа.

Опираясь на сотни тысячъ штыковъ . . . отрѣзываетъ у большей части народа (у казенныхъ крестьянъ) землю, полученную ими у своихъ отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ это въ видахъ государственной необходимости и въ то же время, какъ бы въ насмѣшку надъ бѣднымъ, ограбляемымъ крестьяниномъ, . . . по нѣсколько тысячъ десятинъ генераламъ, покрывшимъ русское оружіе неувыдаемою славою побѣдъ надъ безоружными толпами крестьянъ, чиновникамъ, вся заслуга которыхъ—немилосердный грабежъ народа, тѣмъ, которые умѣютъ ловчѣе подать тарелку, налить вина, красивѣе танцуютъ, лучше льстятъ.

Это всѣми притѣсняемая, всѣми оскорбляемая партія, партія—*народъ*.

Сверху надъ нею стоитъ небольшая кучка людей, довольныхъ, счастливыхъ. Это помѣщики, предки которыхъ, или они сами, были награждены населенными имѣніями за свою прежнюю холопскую службу. Это—потомки бывшихъ любовниковъ императрицъ, щедро одаренные при отставкѣ. Это — купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежомъ и обманомъ; это—чиновники, накрававшіе себѣ состоянія. Однимъ словомъ, всѣ имущіе. всѣ, у кого есть собственность родовая или благопріобрѣтенная. Ни онъ безъ нея, ни она безъ него существовать не могутъ. Падетъ одинъ,—уничтожится и другая. Въ настоящее время партія либеральничаетъ, обиженная отнятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, ругаетъ государя, требуетъ конституціи, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и звеномъ соединенія—собственность. Она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности, и потому въ

минуту возстанія окружить своего естественнаго представителя—царя. Это—партія *императорская*.

Между этими двумя партіями издавна идетъ споръ,—споръ, почти всегда кончавшійся не въ пользу народа. Но едва прошло нѣсколько времени послѣ пораженія, народная партія снова выступала. Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачовымъ—за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровичемъ—и противъ всей императорской партіи.

Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій,—антагонизму, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ,—присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка.

Въ современномъ общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно, все нелѣпо отъ религіи, заставляющей вѣровать въ несуществующее, въ мечту разгоряченнаго воображенія—Бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики; отъ узаконенія торговли, этого организованнаго воровства, и до признанія за разумное положеніе работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными.

Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы,—одинъ: революція, революція кровавая и неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.

Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнуть, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это—и всетаки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!

Понимаетъ необходимость революціи инстинктивно и масса народа, понимаетъ и небольшой кружокъ нашихъ дѣйствительно передовыхъ людей . . . и вотъ изъ среды ихъ выходятъ одинъ за другимъ эти предтечи революціи и призываютъ народъ на святое дѣло возстанія, на расправу со своими притѣснителями, на судъ съ императорскою партіей. Разстрѣливаніе за непониманіе дурацкихъ положеній 19-го февраля, работа въ рудникахъ за указаніе безнадежности настоящаго положенія, ссылка въ отдаленныя губерніи, ссылка гуртомъ въ каторжныя работы за публичное заявленіе своего мнѣнія, за молитву въ церквахъ по убитымъ,—вотъ чѣмъ отвѣчаетъ императорская партія имъ!

Императорская партія! думаете ли вы остановить этимъ революцію, думаете ли запугать революціонную партію? или до сихъ поръ вы не поняли, что всѣ эти ссылки, аресты, разстрѣливанія, застѣченія на смерть мужиковъ ведутъ къ собственному же вашему вреду, усиливаютъ ненависть къ вамъ и заставляютъ тѣснѣе и тѣснѣе смыкаться революціонную партію; что за всякаго члена, выхваченнаго вами изъ ея среды, отвѣтите вы своими головами? Мы предупреждаемъ и ставимъ на видъ это только вамъ, члены императорской партіи, и ни слова не говоримъ о вашихъ начальникахъ, около которыхъ вы группируетесь . . . ! —съ тѣми расчетъ другой! Своею кровью они заплатятъ за бѣдствія народа, за долгій деспотизмъ, за непониманіе современныхъ потребностей. Какъ очистительная жертва, сложитъ головы

Больше же ссылокъ, больше казней! Раздражайте, усиливайте негодование общественнаго мнѣнія, заставляйте революціонную партію опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всѣмъ этимъ ускорите революцію, и что, чѣмъ сильнѣе гнетъ теперь, тѣмъ безпощаднѣе будетъ месть!

Революціи все способствуетъ въ настоящее время: волненіе Польши и Литвы, финансовый кризисъ, увеличеніе налоговъ, окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса весной 1863 года, когда крестьяне увидятъ, что они кругомъ обмануты царемъ и дворянами; а тутъ еще посятся слухи о новой войнѣ, поговариваютъ, что государь поздравилъ уже съ нею гвардію. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы,—и Россія дойдетъ до банкротства. Тутъ-то и вспыхнетъ

возстаніе, для котораго достаточно будет незначительнаго повода! Но можетъ случиться, что крестьяне возстанутъ не сразу въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а отдѣльными деревнями, что войско не успѣетъ пристать къ нимъ, что революціонная партія не успѣетъ сговориться, не достаточно централизуется, и заявить свое существованіе не общимъ бунтомъ, а частными вспышками,—императорская партія подавить ихъ—и дѣло революціи снова остановится на нѣсколько лѣтъ.

Для избѣжанія этого центральный революціонный комитетъ въ полномъ своемъ собраніи 7-го апрѣля рѣшилъ:

Начать изданіе журнала, который выяснилъ бы публикѣ принципы, за которые онъ борется, и въ то же время служилъ бы органомъ революціонной партіи въ Россіи. Въ немъ будутъ помѣщаться отчеты о засѣданіяхъ комитета, будутъ предлаг. вопросы на обсужденіе пров. комитетамъ, будутъ заявляться публикѣ мнѣнія революціонной партіи о каждомъ важномъ событіи. Комитетъ вынужденъ былъ приступить къ изданію своего органа и тѣмъ, что еще ни одинъ изъ издаваемыхъ журналовъ не выяснилъ обществу революціонной программы. Для доказательства этого мы обратимся къ двумъ органамъ: „Колоколу“ и „Великоруссу“.

Несмотря на все наше глубокое уваженіе къ А. И. Герцену, какъ публицисту, имѣвшему на развитіе общества большое вліяніе, какъ человѣку, принесшему Россіи громадную пользу, мы должны сознаться, что „Колоколъ“ не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ.

Съ 1849 года у Герцена начинается реакція: испуганный неудачной революціею 48 года, онъ теряетъ всякую вѣру въ насильственные перевороты. Два, три неудавшихся возстанія въ Миланѣ, ссылка и смерть на его глазахъ французскихъ республиканцевъ, наконецъ — казнь Орсини окончательно тупятъ его революціонный задоръ, и онъ принимается за изданіе журнала съ либеральною (не болѣе) программой.

„Колоколъ“, встрѣченный живымъ привѣтомъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ, вскорѣ становится загадкою для людей дѣйствительно революціонныхъ. Гдѣ же разборъ современнаго политическаго и общественнаго быта Россіи, гдѣ проведеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ должно построиться новое общество?

Проходитъ еще годъ, и „Колоколъ“, оказывая вліяніе на правительство, уже совсѣмъ становится конституціоннымъ. Увлеченіе имъ молодежи уменьшается, революціонная партія ищетъ другого органа, и, если онъ читается, то этому способствуетъ еще прежняя слава Герцена, Герцена, привѣтствовавшего революцію, Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена и Луи-Блана въ непослѣдовательности, въ томъ, что они, имѣя возможность, не захватили диктатуры въ свои руки и не повели Францію по пути кровавыхъ реформъ для доставленія торжества рабочимъ.

Наконецъ, его надежды на возможность принесенія добра Александромъ или кѣмъ-нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо челоуѣка, говорившаго, что пора начать бить въ набатъ и призвать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи; надежда на мирный переворотъ; его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми одиными можно только что-нибудь сдѣлать,—окончательно уронили журналъ въ глазахъ республиканской партіи.

Но памъ могутъ возразить, что ошибаемся мы, а не Герценъ, что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ проистекло изъ знакомства съ исторіею Запада, отъ его увѣренности, что каждая революція создаетъ своего Наполеона.

Мы отвѣтимъ на это, что и самъ Герценъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, да и революціи кончались худо отъ непослѣдовательности людей, поставленныхъ во главѣ ея. Мы изучали исторію Запада, и это изученіе не прошло для насъ даромъ: мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ террористовъ 92 года; мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современнаго порядка приходится пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито якобинцами въ 90-хъ годахъ!

Въ іюлѣ прошлаго года появился въ Россіи „Великоруссъ“.

Несмотря на всю ошибочность и отсталость его мнѣній, несмотря на радикальную противоположность съ нашими, мы, всетаки, должны заявить свое уваженіе къ редакціи его, издавшей въ Россіи же протестъ противъ существующаго порядка. Успѣхъ „Великорусса“ былъ громадный, что и надо было предвидѣть вначалѣ. Удовлетворяя и, какъ нельзя лучше, совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества, т. е. массы

помѣщиковъ, стремящихся хоть чѣмъ-нибудь нагадить правительству и опасующихся въ то же время даже тѣни революціи, грозящей поглотить ихъ самихъ, кучки бездарныхъ литераторовъ, сданныхъ за ветхостью въ архивъ, а во времена Николая считавшихся за прогрессистовъ, — онъ, всетаки, не могъ составить около себя партіи. Его читали, о немъ говорили — да и только. Онъ вызывалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побойтся отдать приказъ стрѣлять въ собравшійся народъ, своими невинными адресами, которыми думаетъ спасти Россію.

Объ остальныхъ заграничныхъ журналахъ даже и упоминать не стоитъ. Не понимаемъ, зачѣмъ это уѣзжаютъ изъ Россіи господа вроде Блюммера и князя Долгорукова: шли бы себѣ, шли они рука объ руку съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Сѣверной Почтой“, да вызывали бы всѣ вмѣстѣ своими принципами презрѣніе всѣхъ честныхъ людей. О прокламаціяхъ (на всякой брошюрѣ, изданной нами, будетъ стоять: „изд. центр. рев. ком.“), выходившихъ въ послѣднее время въ такомъ изобиліи, тоже распространяться не стоитъ: неимѣніе опредѣленныхъ принциповъ, пустое, ничего не значащее и ни къ чему не ведущее либеральничанье — вотъ отличительныя черты ихъ.

Не находя ни въ одномъ органѣ полного выраженія революціонной программы, мы помѣщаемъ теперь главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество, а въ слѣдующихъ номерахъ постараемся развить подробнѣе каждое изъ этихъ положеній.

Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, причемъ вся власть должна перейти въ руки національнаго и областныхъ собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякій человѣкъ долженъ непременно приписаться къ той или другой изъ общинъ; на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ, впрочемъ, можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему

предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не въ пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, но по смерти дѣлается достояніемъ общины.

Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбрались самимъ народомъ; требуемъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

Мы требуемъ, чтобы, кромѣ національнаго собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія—областные собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленные только изъ однихъ представителей послѣдней. Национальное собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ преже постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областные собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ; желаемъ, чтобы онъ падалъ всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобы національное собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже областныя собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ собраніи рѣшаютъ, какую подать долженъ платить какой членъ ея, причемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго,—однимъ словомъ, вводится налогъ прогрессивный.

Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а

не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ,—однимъ словомъ, всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія.

Мы требуемъ полного освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины; требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а, слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства.

Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата—монастырей, мужскихъ и женскихъ,—тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концовъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди, ничего не дѣлающіе, которымъ пріятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ то же время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отобраны въ пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы. Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

Мы требуемъ полной независимости Польши и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіею.

Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной республики русской.

Безъ сомнѣнія, мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы, какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наиболѣе

скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы—доказываетъ прошлое французское собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, къ намъ обратятся съ вопросомъ: на кого же мы надѣмся, гдѣ тѣ элементы, сгруппировать которые мы хотимъ, кто на нашей сторонѣ?

Мы надѣмся на народъ; онъ будетъ съ нами, въ особенности старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Забитый и ограбленный крестьянинъ станетъ вмѣстѣ съ нами за свои права, онъ рѣшитъ дѣло, но не ему будетъ принадлежать инициатива его, а—войско и нашей молодежи.

Мы надѣмся на войско, надѣмся на офицеровъ

.
.
.
.
.

Оно вспомнитъ сентябрьскій приказъ, разберетъ хорошенько, въ какое положеніе поставитъ себя, если станетъ исполнять его, да кстати вспомнитъ и свои славныя дѣйствія въ 1825 году, вспомнитъ безсмертную славу, которой покрыли себя герои мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззваніемъ къ ней мы оканчиваемъ нынѣшній номеръ журнала, потому что она заключаетъ въ себѣ все лучшее Россіи, все живое, все, что станетъ на сторонѣ движенія, все, что готово пожертвовать собою для блага народа.

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной дѣятельности, смотри, чтобы тебя не застали врасплохъ! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми центральный революціонный комитетъ самъ постарается войти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное

положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей дѣйствительно революціонныхъ, и на которыхъ вы можете вполне положиться.

Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ социальная и демократическая республика русская!

Но не забывай при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя повторять: да здравствуетъ социальная и демократическая республика русская!

А если возстаніе не удастся, если придется намъ поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ нетрепетно, безстрашно и, кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: „да здравствуетъ социальная и демократическая республика русская!“

Баллодъ не отрицалъ своихъ связей съ центральнымъ комитетомъ и далъ слѣдующее показаніе о своемъ съ нимъ знакомствѣ, происшедшемъ, по особому приглашенію, въ Александровскомъ паркѣ.

„Въ Александровскій паркъ впервые, въ первой половинѣ мая, я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во-время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ какихъ-то два господина и сказали:

„— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобъ провести пріятно время, а для того, чтобъ поговорить о дѣлѣ.

„Оба они были съ бородами, средняго роста. Одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ; онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27; одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у второго—русая.

„— Мы слышали, что вы—честный и энергичный человѣкъ: вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

„Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвалъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной называли мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они—члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листовъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

„— Напрасно,—отвѣчали они. — Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція или нѣтъ?

„Я сказалъ, что истиннѣе, который у меня очень силенъ, говорить мнѣ, что революція будетъ.

„— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки,—нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

„— Не знаю,—сказалъ я.—Что придется.

„— Странно! Вы—человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, еслибъ вамъ предложили?

„— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

„— Вотъ мы дадимъ вамъ программу,—и вы скажите намъ ваше слово.

„Здѣсь они повели меня къ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ „Молодой Россіи“, подали мнѣ и сказали:

„— Вотъ наша программа.

„Послѣ этого мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня вужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напасть. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

„— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

„— Нисколько,—но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта. Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность¹⁾.

„Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня придти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

„Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое; одного изъ нихъ я видѣлъ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ „Молодой Россіи“. Я возражалъ; они отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

„— Отчего вы не были у насъ третьяго-дня?

„— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

„— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ вѣхать.

„— Знаю. Я былъ сейчасъ у...; тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

„— Я вамъ привозилъ деньги; вотъ онѣ и вотъ вамъ ин-струкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете, куда обратиться?

¹⁾ Потомъ, на вопросъ комиссіи, что это значитъ, Баллодь объяснилъ, что 8 марта 1862 г., на извѣстной „думской исторіи“ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ, Баллодь, разстроенный оскорбленіемъ, навеселеннымъ аудиторіей почтенному профессору, кричалъ, чтобы его выслушали, и добился своего.

„— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

„Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

„Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

„— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

„Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: „къ чему вы меня торопите?“

„— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейскою частью. У насъ этою частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

„Я спросилъ, что это за должность.

„— Слѣдить за всякимъ вновь вступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко: у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще и компаньоны.

„Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не стоимъ.

„— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западныя губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

„— На это, можетъ быть, и соглашусь,—сказалъ я.

„Потомъ они стали говорить о „карманной типографіи“ и сказали:

„— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

„Я сказалъ, что она моя.

„— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

„Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой никто не знаетъ.

„— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

„— Если статья не будетъ имѣть характера „Молодой Россіи“,—сказалъ я,—то, пожалуй.

„Вскорѣ послѣ этого мы разстались.

„Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

„Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я при-

шелъ въ паркѣ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

„— Какова наша полиція?

„Потомъ спросили, рѣшилъ ли я. Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ „Молодой Россіи“, и тогда скажу.

„— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

„— Если такъ, то хорошо.

„Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, потому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ¹⁾.

„— Нѣтъ,—сказали они,—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

„Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ въ шагахъ 50, взяли у нихъ бумагу, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать²⁾. Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы „Карманная типографія³⁾“. Я согласился. Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье и 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

„Это было въ 12 часу дня.

„Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія,

¹⁾ Станокъ, около 9 пуд. вѣсомъ, по особому чертежу, быть заказанъ Санъ-Галли, во и ко времени обыска у Баллода еще не былъ имъ взятъ. Его взяла уже полиція, по указанію самого Баллода.

²⁾ Диктовалъ бывший въ пальто à la Гарибальди.

³⁾ Въ дѣлѣ экземпляръ этой прокламаціи написанъ чернилами. Баллодъ объяснилъ, что, вернувшись домой, онъ сейчасъ же переписать ее чернилами. Печатать просили 700 экземпляровъ.

а говорилъ съ ними потому, что рассчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы“.

Къ этому въ высшей степени характерному разсказу Баллодь прибавилъ, что изъ полученныхъ экземпляровъ „Молодой Россіи“ онъ 4 сжегъ, одинъ или два далъ Н. Жуковскому, а объ остальныхъ ничего не помнить.

II.

Упомянутая Баллодомъ прокламація, озаглавленная: „Предостереженіе“, настолько важна и интересна, что я приведу ее полностью. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось указанія на то, что центральный комитетъ самъ считалъ необходимымъ поправить сдѣланныя въ „Молодой Россіи“ ошибки и извинить ее увлеченія. Между тѣмъ это очень важно, какъ доказательство, насколько сильно было вліяніе реактивовъ на большое общество, съ которымъ хотѣли имѣть дѣло.

Покойный И. И. Гольцъ-Миллеръ, одинъ изъ членовъ центрального революціоннаго комитета, разсказывалъ своему пріятелю С. Н. Южакову, что Чернышевскій прислалъ къ нимъ въ Москву виднаго революціоннаго дѣятеля той эпохи и одного изъ основателей общества „Земля и Воля“, нынѣ покойнаго А. А. Слѣпцова, [уговорить комитетъ сгладить какъ-нибудь крайне неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на общество „Молодой Россіей“. Къ сожалѣвію, г. Южаковъ не помнитъ теперь, что сказалъ его пріятель о результатахъ пріѣзда Слѣпцова, но мнѣ кажется, что, высоко ставя мнѣніе Чернышевскаго, бывшаго несомнѣннымъ руководителемъ радикальнаго движенія эпохи, весьма возможно, что Зайцевскій, Агринопуло, Гольцъ-Миллеръ и ихъ товарищи признали справедливымъ совѣтъ Николая Гавриловича и написали какъ разъ приводимую ниже прокламацію. Тогда остается вопросъ, почему же ее печатали не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ? Но почему не предположить, что это было сдѣлано именно въ видахъ лучшей конспираціи. Впрочемъ, это только мое предположеніе.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

„Правительство говорить, что революціонеры жгутъ Петербургъ. Установленъ во всей Россіи судъ по полевымъ военнымъ законамъ противъ злоумышленниковъ, потому что правительство полагаетъ, будто во всѣхъ провинціяхъ революціонные комитеты возбуждаютъ къ бунту и поджогу. Петербургское общество само дало правительству возможность принять подобныя мѣры: оно дало эту возможность своими сплетнями и, читая повтореніе своихъ выдумокъ въ официальныхъ объявленіяхъ, совершенно убѣдилось, что сплетни эти справедливы.

„Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей написали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпыхъ обвиненій¹⁾. Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: эти люди—экзальтированные и уже по тому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находить петербургская публика. Изъ ихъ словъ для насъ ясно было ихъ желаніе сказать только, что правительство ведетъ народъ къ возстанію, и что они готовы стать въ ряды народа при наступленіи вооруженной борьбы. Но не отстать отъ народа, когда онъ поднимется, вовсе не то, что возбуждать его къ рѣзнѣ. Думать, что облегченіе судьбы простого народа не будетъ слишкомъ дорого куплено цѣною революціи,—вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бѣдняковъ. Эта разница очень ясна, но теперь публикѣ угодно было заняться сплетнями вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло. Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличила, что если много разъ винили ихъ въ этомъ, то обвиненіе всегда было

¹⁾ Рѣчь, какъ уже сказано, идетъ о „Молодой Россіи“. Она умышленно, очевидно, никѣмъ не подписана, чтобы сдѣлать „Предостереженіе“ якобы голосомъ стороннихъ лицъ (все же революціонеровъ), хотя и хорошо знающихъ центральныя комитеты.

клеветою, которую порождало легковѣріе, и которую пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ.

„Такъ и теперь. Но мы хотимъ указать публикѣ на послѣдствія ея лекомыслія, на злоупотребленія, которыя дѣлаеть изъ него правительство, хотимъ предостеречь публику, чтобы она не повторяла подобныхъ шалостей, за которыя всегда приходилось ей же тяжело расчитываться.

„Революціонная партія никогда не бываетъ въ силахъ сама по себѣ совершить государственный переворотъ. Примѣръ тому многочисленныя попытки парижскихъ республиканцевъ и коммунистовъ, которыя всегда такъ легко подавлялись нѣсколькими батальонами солдатъ. Перевороты совершаются народами.

„Еслибы начавшаяся теперь реакція ограничила свое вліяніе только преслѣдованіями свободномыслящихъ людей,—изъ этого не вышло бы ничего важнаго для праздної толпы такъ называемаго просвѣщеннаго общества. Но реакція отразится и на крестьянскомъ вопросѣ,—она окончательно отниметь у правительства всякую заботу объ удовлетвореніи требованій крѣпостныхъ крестьянъ, а это уже плохая шутка для всего образованнаго общества. Крестьяне уже начинаютъ готовиться къ возстанію и поднимутся, если не получатъ новой воли. Это уже рѣшено между крестьянами во всѣхъ губерніяхъ. Не вѣрьте слухамъ, отрицающимъ этотъ фактъ,—они лживы. Они распространяются или малодушными людьми, замуривающими глаза отъ опасности, или правителями, обманывающими публику. *Народное* возстаніе близится. Пусть пойметъ это публика и пусть помнить. Пусть сообразитъ теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями, поддерживається ея легковѣріемъ, дастъ возстанію чернаго народа характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ.

„Мы, революціонеры, т. е. люди, не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу,—мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованныхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить грозящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика

сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ.

„Обращаемся съ просьбою и къ правительству. Пусть оно хорошенько поищетъ насъ, пусть поищетъ получше, чѣмъ до сихъ поръ искало. Какъ намъ ни жалко несчастныхъ страдальцевъ, которыхъ оно мучить и судить за насъ, какъ доходить до насъ слухи, но мы все же не объявимъ себя, чтобы снять съ этихъ людей ложное обвиненіе. И въ этомъ мы всегда и передъ всѣми останемся правы: мы не посылали этихъ людей на опасность; мы, наши люди, цѣлы и будутъ цѣлы. Мы считали бы себя слишкомъ слабыми, еслибы могли попадаться. Насъ узнають только тогда, когда мы явимся сами въ рядахъ народа, открыто добывающаго себѣ человѣческія права“.

III.

Затѣмъ комиссія заинтересовалась второй прокламаціей, взятой у Баллода,—„Русское правительство подѣ покровительствомъ Шедо-Ферроти“.

Здѣсь я не считаю нужнымъ познакомить читателя сначала со сложными обстоятельствами, предшествовавшими появленію этой прокламаціи.

Псевдонимъ „Шедо-Ферроти“ принадлежалъ нашему бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, назначенному на эту должность по личному повелѣнію государя, которому онъ былъ рекомендованъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Великаго князя окружали люди вродѣ министра народнаго просвѣщенія Головнина, которые внушали ему, что для умиротворенія всколыхнувшейся Россіи необходимо настоять на проведеніи и другихъ реформъ, могущихъ удовлетворить либеральную часть общества. Предполагалось заручиться такимъ образомъ поддержкой этихъ многочисленныхъ тогда элементовъ и, пользуясь ею, гарантировать страну отъ революціоннаго взрыва, въ которомъ тогда были увѣрены не только радикалы. Въ то время, по мнѣнію многихъ, революція вотъ-вотъ назрѣвала...

Головнинъ считалъ, что для осуществленія его плановъ необходимо прежде всего отвлечь русское общество отъ Герцена, котораго онъ и его присные совершенно не понимали. Считая его за яраго демагога и сторонника всеразрушительной революціи, они боялись его дальнѣйшаго вліянія... Но борьба возможна была исключительно на почвѣ слова, какъ единственнаго оружія самого Герцена... Писатели нашлись, недостатка въ нихъ не было... Катковъ, дѣйствовавшій, правда, по собственной инициативѣ, но частью въ планахъ Головнина, Скарятинъ, Аскоченскій, Н. Ф. Павловъ и многіе другіе—всего этого было мало. Купили перо разбитного Шедо-Ферроти.

Въ августѣ 1861 года онъ разразился первой брошюрой „Lettre à monsieur Herzen“.

Въ ней говорится о Герценѣ вообще, безотносительно къ какому-либо его отдѣльному шагу, дѣлается его общая характеристика и—что особенно важно—оцѣнивается его громадный талантъ, который авторъ съ удовольствіемъ бы видѣлъ приложеннымъ къ черновой русской работѣ. Знающіе Герцена и его сочиненія, конечно, не подпишутся подъ письмомъ Шедо-Ферроти, но оно и не важно со стороны критики его работы. Важно, что Герцену предлагалось помочь правительству. Съ этой стороны, свободное допущеніе письма въ Россію—фактъ очень знаменательный. Правда, французскій его текстъ гарантировалъ не особенно-то широкое распространеніе брошюры, но все же фактъ остается фактомъ.

Остановлюсь на брошюрѣ подробнѣе.

Прежде всего Шедо-Ферроти касается не содержанія, а только формы, въ которую облачаетъ Герценъ свои мысли,—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ самъ. Авторъ надѣется, что слова его будутъ приняты безъ предубѣжденія, и, можетъ быть, эта строгая критика заставитъ Герцена задуматься и даже умѣрить рѣзкій тонъ своихъ статей! Въдѣ, публицистъ долженъ иногда жертвовать своимъ самолюбіемъ, если того требуютъ принципы, которымъ онъ служитъ.

Шедо-Ферроти съ благодарностью воспоминаетъ строгихъ критиковъ, которые ему самому посовѣтовали умѣрить рѣзкость въ выраженіяхъ: онъ никогда не раскаивался въ этомъ, такъ какъ умѣренный тонъ даетъ ему возможность говорить о такихъ вопросахъ, какъ, напр., о военной службѣ. И эту статью не только читали высшіе военные чины, но, быть

можетъ, они даже проводили въ жизнь нѣкоторыя высказанныя въ ней мысли. Для Герцена же, съ его необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и талантомъ, такое вліяніе будетъ обезпечено. Получая цѣнныя свѣдѣнія изъ провинціи, имѣя цѣнныхъ сотрудниковъ,—сколько можно было бы сказать о причинахъ неурядицъ въ Россіи—но сказать серьезно и безъ озлобленія—и тогда, конечно, всѣ прислушивались бы къ этому *авторитетному* голосу. „И вы могли бы быть увѣрены, что васъ выслушаютъ и оцѣнятъ ваши идеи, разъ эти идеи удовлетворяли бы двумъ условіямъ: 1) они должны быть примѣнимы при существующемъ положеніи вещей, и 2) должны быть изложены въ выраженіяхъ, не задѣвающихъ за живое никого изъ тѣхъ, кто можетъ провести въ жизнь ваши идеи“ (стр. 6).

Рѣзкость же тона Герцена и его личныя нападки мѣшаютъ такому благопріятному ходу вещей. Нападать надо на учрежденія, а не на личности.

Въ Россіи надо измѣнить всѣ законы, оставивъ неприкосновеннымъ лишь монархическій принципъ,—административныя формы не соотвѣтствуютъ болѣе нуждамъ страны,—а для этой цѣли далеко недостаточно перемѣнить только людей. Пусть друзья Герцена говорятъ, что его произведенія будутъ по достоинству оцѣнены только послѣдующими поколѣніями. Если ихъ послушать, можно повторить ошибку средневѣковыхъ монаховъ, которые учили народъ не сѣять, не работать, въ виду близкой кончины міра. Герценъ, вѣдь, тоже предсказываетъ конецъ нынѣшняго соціальнаго строя и наступленіе новой эры. Неужели же на основаніи этого предсказанія надо всѣмъ бросить исполненіе своихъ обязанностей, не указывая притомъ точно наступленія эпохи торжества новыхъ началъ?

Шедо-Ферроти приводитъ примѣръ прежнихъ цивилизацій. Весь соціальный строй нѣкогда могущественныхъ государствъ—Ниневіи, Египта и т. п.—основывался на тѣхъ же двухъ принципахъ, которые положены въ основаніе и теперешнихъ обществъ—частной собственности и семейномъ началѣ. Прошли вѣка, Ниневія и Вавилонъ погибли и занесены пескомъ, а эти два принципа все такъ же сильны. Опъ не берется рѣшить, какія соціальныя отношенія создадутся въ то время, когда на мѣстѣ Лондона и Парижа будутъ бродить стада овецъ. Вѣдь, не могли же люди временъ Сезостриса предвидѣть тѣхъ формъ, въ какія вылились обще-

ственные отношенія въ наше время. Шедо-Ферротти утверждаетъ, что Герценъ счастливѣе его: „Если вы не опредѣляете точно формъ, то во всякомъ случаѣ вы провозглашаете основной принципъ будущаго—соціализмъ“. Авторъ не смѣетъ спорить съ Герценомъ — пусть соціализмъ восторжествуетъ въ концѣ-концовъ, хоть и трудно сказать, будетъ ли это благомъ для человѣчества... Возвращаясь къ предыдущему, онъ говоритъ такъ, если прошло столько вѣковъ и два принципа — собственности и семейнаго начала — все такъ же, какъ и раньше, служатъ основой государственнаго строя во всѣхъ странахъ, то трудно предположить, чтобъ они сразу были отброшены. 50 вѣковъ для этого было мало! А вѣдь пока человѣчество не освободилось изъ-подъ власти этихъ двухъ идей, трудно говорить о проведеніи въ жизнь соціализма.

Конечно, легче поручать воспитаніе дѣтей обществу, спокойнѣе не чувствовать, что надо работать для блага дѣтей, заманчиво думать неумирующимъ, что собственность будетъ расpredѣлена между всѣми трудящимися. Но скоро ли это будетъ? Шедо-Ферротти сомнѣвается.

Пусть до водворенія соціалистическаго строя пройдетъ еще 5.000 лѣтъ, онъ считаетъ, что это очень скромная цифра, вѣдь, прогрессъ движется весьма медленными шагами. Допустимъ даже, что теперь развитіе общества пойдетъ усиленнымъ темпомъ, пусть торжество соціализма наступитъ черезъ 1.000 лѣтъ... Но, вѣдь, до тѣхъ поръ будутъ существовать правительства, болѣе или менѣе сходныя съ нынѣшними. Автору кажется, что именно необходимо убѣдить правительство въ преимуществѣ новыхъ идей, и для этого нужно, чтобъ идеи эти были примѣнимы къ жизни и осуществимы въ данное время и въ данной странѣ.

Вѣдь, и для народа мало привлекательны, хотя бы и блестящія, перспективы, которыя могутъ осуществиться лишь черезъ 1.000 лѣтъ.

Въ виду этого, неужели же не заслуживаютъ вниманія тѣ поколѣнія, которыя будутъ жить до введенія новаго строя? Неужели больше стоитъ трудиться для 2861 г., чѣмъ для людей 1861 г.? Честь и слава человѣку, который поднялся высоко надъ дѣйствительностью и заглянулъ въ будущее. Но зачѣмъ же такъ неумѣренно строго относиться къ настоящему и такъ рѣзко о немъ отзываться?

Массы не поймутъ его. По мнѣнію автора, трудъ Герцена будетъ гораздо продуктивнѣе, если онъ обратится *къ людямъ просвѣщеннымъ и, наконецъ, къ правительству*; вѣдь нельзя отрицать, что въ настоящее время оно пренеполнено благихъ намѣреній. Шедо-Ферротъ увѣренъ, что Герценъ могъ бы быть очень полезенъ Россіи,—надо только оставить рѣзкій тонъ, иногда доходящій даже почти до бранныхъ выраженій, и говорить о недостаткахъ существующаго строя серьезно, пользуясь всѣмъ своимъ обширнымъ матеріаломъ. Неужели это былъ бы бесполезный трудъ? Вѣдь, правительство въ Россіи теперь не то, что было во времена молодости Герцена; нужно только, конечно, помнить, что дѣло идетъ объ обыкновенныхъ людяхъ, а не о гигантахъ, которыхъ Герценъ рисуетъ въ будущемъ.

Но, могутъ сказать, разъ Герценъ социалистъ-республиканецъ, то будетъ измѣной убѣжденіямъ, если онъ вступить въ какія бы то ни было отношенія съ монархическимъ правительствомъ. Авторъ старается стать на точку зрѣнія Герцена и разсуждаетъ такъ: пока не существуетъ въ Россіи социалистическаго строя, желательно, вѣдь, чтобъ законы и порядки были возможно лучшіе. Не полезнѣе ли было бы для русскихъ, еслибъ Герценъ, вмѣсто разработки кодексовъ будущаго государства, занялся изслѣдованіемъ и обработкой законовъ для нынѣшняго правительства, существованіе котораго, вѣдь, все-таки, нельзя отрицать? Предположимъ даже, что всѣ его идеи окажутся въ данное время слишкомъ передовыми, что ихъ сейчасъ не примутъ во вниманіе, но, вѣдь, онѣ укажутъ будущимъ изслѣдователямъ путь, по которому нужно идти. А теперь, вѣдь, никто въ Россіи не смотритъ на „Колоколъ“ и на отдѣльныя статьи Герцена, какъ на серьезныя сочиненія.

Серьезные ученые и люди, интересующіеся благомъ родины, ихъ болѣе не читаютъ. Учащаяся молодежь читала „Колоколъ“, пока это было запрещенной вещью. Теперь, когда въ Россіи вообще стало свободнѣе жить, сочиненія Герцена потеряли прелесть тайны, и ихъ стали читать не такъ охотно. Остаются еще читатели — чиновники. Они съ большимъ интересомъ ищутъ сообщенія о какомъ-либо скандалѣ въ чиновничьей сферѣ. Никто не интересуется больше взглядами Герцена на общество и политическій строй. „Васъ больше не читаютъ“, говоритъ Шедо-Ферротъ. Ищутъ остраго словечка, восхищаются смѣлостью человѣка, бранящаго тѣхъ, передъ

къмъ всѣ пресмыкаются. Но, вѣдь, такіе читатели не посмѣютъ провести въ жизнь ни одной изъ идей Герцена. „Одни признають эти идеи безплодными; другіе отстраняются отъ нихъ, вслѣдствіе грубой формы, въ которой онѣ выражены; третьи считаютъ ихъ неосуществимыми мечтаньями; на остальныхъ читателей вы не можете рассчитывать, какъ на борцовъ“. А между тѣмъ, какъ цѣнны были бы статьи Герцена, еслибъ онъ захотѣлъ примѣнить свои силы къ выясненію дѣйствительныхъ нуждъ родины!

Подписывается авторъ псевдонимомъ и объясняетъ, что онъ выставляетъ его на всѣхъ своихъ брошюрахъ, что позволяетъ ему свободно говорить многое, не стѣсняясь родственными и другими связями и знакомствами.

Такова въ краткихъ чертахъ первая брошюра...

Скоро, въ декабрѣ того же 1861 года, появилась и вторая— „Lettre de m-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti“ („Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями“), напечатанная по поводу классическаго письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ, бар. Брунову — „Бруты и Кассин III Отдѣленія“, помѣщеннаго въ „Колоколѣ“¹⁾, и, кромѣ того, разосланнаго на французскомъ языкѣ въ массѣ экземпляровъ.

Сначала Шедо-Ферроті написалъ небольшое письмо, полное „обличеній“ Герцена въ хвастовствѣ и нескромности, и послалъ его въ „Колоколъ“. Искандеръ отвѣчалъ тамъ, что не имѣетъ никакого желанія печатать присланное, и тутъ же подсказалъ, что письмо лучше выпустить отдѣльно. Тогда Шедо-Ферроті, присоединивъ къ первоначальному тексту очень длинное возраженіе на отказъ Герцена и самое письмо послѣдняго Брунову, издалъ все это брошюрой одновременно на двухъ языкахъ (французскомъ и русскомъ), что, несомнѣнно, дѣлало ее уже болѣе распространенной.

Я не могу познакомить читателей со всей брошюрой, а потому отмѣчу лишь, что среди массы неблагоприятныхъ отзывовъ и заключеній о себѣ и „Колоколѣ“ Герценъ встрѣтилъ тамъ вещи, не позволяющія ставить Шедо-Ферроті за одну скобку съ Катковымъ.

Въ ней нѣтъ уже прежняго сплошнаго признанія важности

¹⁾ 1861 г., № 109, 15 октября.

и талантливости Герцена, зато есть много полемических красоть и отзвуковъ личной обиды.

И все-таки, снова указывалось на умъ Герцена, на его важное значеніе, на его глубокія убѣжденія, искренность и безстрашіе, которыхъ нельзя не уважать, на его прекрасныя прирожденныя качества, на его большой талантъ; говорилось, что „Колоколь“—„журналъ не маловажный“, что ревностнѣйшіе его читатели „чиновники наши“ и т. п. Конечно, все это тонуло въ общей массѣ брошюры, но, во всякомъ случаѣ, было напечатано чернымъ по бѣлому, такъ же, какъ и самое письмо Герцена бар. Брунову, какъ и возраженія Шедо-Ферроти на обвиненіе его Герценомъ въ преднамѣренной защитѣ правительства и въ консерватизмѣ. „По естественной склонности, намъ — писалъ авторъ брошюры — пріятнѣе хвалить ближняго, нежзли бранить его, а потому мы бы чрезвычайно рады были, еслибы всегда могли дѣлаться защитникомъ правительства, но, къ сожалѣнію, это не всегда возможно. Когда мы видимъ, что правила, которыми руководствуется правительство, дѣлаются причиною развращенія служащаго класса; что непомѣрная централизація останавливаетъ ходъ администраціи и парализируетъ дѣйствіе правосудія — тогда мы не только не защищаемъ правительства, но сами становимся въ ряды обвинителей, стараясь обратить вниманіе публики какъ на самыя ошибки, такъ и на средства къ исправленію. Когда общественное мнѣніе возстаетъ противъ господствующаго еще у насъ предрасудка, что генеральскіе или адмиральскіе эполеты—вѣрнѣйшій признакъ административныхъ способностей; противъ отсутствія общей системы въ образѣ управленія, противъ самоволія цензуры, противъ гоненія раскольниковъ и т. п.,—тогда мы также не можемъ явиться заступниками правительства“¹⁾.

Казалось бы, все это не могло расположить Головнина и Валуева къ пропуску брошюръ Шедо-Ферроти въ Россію для свободной у насъ продажи. Но они, конечно, понимали, что тамъ были вещи и совсѣмъ другого порядка...

Въ теченіе 1862 г. вторая брошюра была издана русскимъ правительствомъ въ четырехъ изданіяхъ. Очевидно, этимъ самымъ изъ „письма“ какъ бы вычеркивалась слѣдующая фраза Шедо-

¹⁾ Стр. 30—31.

Ферроти: „Одно упоминаніе фамиліи „Герценъ“ достаточно для того, чтобы цензура вычеркнула цѣлую статью, даже написанную не въ тонѣ и не въ духѣ г-на Герцена“. И, дѣйствительно, лишь только брошюры перешли русскую границу—а это было, кажется, въ мартѣ 1862 г.—какъ тяготѣвшее четырнадцать лѣтъ молчаніе надъ именемъ Искандера-Герцена было прервано...

Въ „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“, постоянный ея сотрудникъ Пановскій, между прочимъ писалъ:

„Что же такое читаетъ теперь Москва? Еще не такъ давно, я отвѣчалъ бы: Не спрашивайте такъ громко... Москва читаетъ теперь то, что читаютъ украдкой,—это не для всѣхъ... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвѣчу во всеуслышаніе: Москва читаетъ письмо г. Герцена, извѣстнаго русскаго „réfugié“, къ русскому посланнику въ Лондонѣ и комментаріи на это письмо г. Шедо-Ферроти. Эта книжка распускается въ Москвѣ тысячами экземпляровъ въ недѣлю.

„Брошюрка „Ферроти“, какъ ее называютъ въ Москвѣ, представляетъ литературную расправу по личному вопросу, который не могъ бы возбудить такого всеобщаго любопытства, даже въ нашей публикѣ, такъ падкой до всякихъ скандаловъ, еслибы не особенныя обстоятельства. Но независимо отъ своего содержанія, книжка эта имѣетъ большой современный интересъ: она служитъ свидѣтельствомъ, что наше правительство убѣждается въ пользѣ широкой гласности, и общество видитъ въ этомъ явленіи задатокъ такъ жадно ожидаемой свободы печатнаго слова.

„Какъ не порадоваться такому утѣшительному явленію, какъ не прочесть эту книжку! Мы такъ усердно заботимся о правахъ литературной собственности, а сказать правду, правду всѣмъ извѣстную, у насъ въ литературѣ нѣтъ еще *собственности мысли*. Книга или статья, подписанная тѣмъ или другимъ именемъ, можетъ ли у насъ быть признана вѣрнымъ представителемъ убѣжденій автора, его мнѣній, его искреннихъ вѣрованій? Стоитъ ли у насъ страховать закономъ право литературной собственности? Стоитъ ли передавать потомству мысли сочинителя, когда въ этомъ трудѣ онъ, какъ новый Гамлетъ, говоритъ загадками, намеками и когда безпрестанныя недомолвки затемняютъ и часто даже искажаютъ настоящій смыслъ его рѣчи. Прежде, чѣмъ хлопотать о томъ, что станетъ съ нашею воплощеною мыслью послѣ нашей кончины, не лучше ли позаботиться,

пока мы живы, о свободѣ этой мысли въ печатномъ словѣ, о томъ, чтобы различныя убѣжденія могли войти въ состязаніе и чтобы въ этомъ конкурсѣ правда могла быть увѣянана на судѣ общественнаго мнѣнія.

„Брошюра Ферроти—у насъ небывалое явленіе; мы не видимъ у ней, на оборотѣ первой странички (не даромъ называемой въ типографскомъ argot: Schmutz-Titel), обычной надписи, встрѣчаемой во всѣхъ читаемыхъ нами русскихъ книгахъ; не обозначено даже, сколько экземпляровъ этого сочиненія слѣдуетъ доставить въ публичную бібліотеку... Все это для насъ новость, а Москва до новостей охотница. Вотъ почему она такъ раскупаетъ, читаетъ брошюру г. Скедо-Ферроти, толкуетъ о ней и спорить“¹⁾.

Такимъ путемъ надѣялись ослабить вліяніе геніальнаго Искандера!.. Какъ только въ мартѣ 1862 г. брошюры Шедо-Ферроти появились въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, часть русскаго общества поддавалась на удочку... А когда реакціонное начало стало крѣпнуть, то апологетъ III Отдѣленія имѣлъ уже довольно замѣтный успѣхъ... Разумѣется, лучшіе люди не могли не презирать такую гнусную борьбу, и первымъ противъ нея публично высказался студентъ Павелъ Мошкловъ, написавшій прокламацію:

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ²⁾.

„Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, застѣкать, пытаться, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На-дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей,

¹⁾ „Современ. Гѣтопись“ 1862 г., № 16. Куренъ подлинника.

²⁾ Отъ заглавія была сдѣлана слѣдующая выписка: „Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство?“

мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

„Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферротти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно—убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль! — она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферротти, ему не вполне удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

„Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ „Колоколѣ“ какъ Шедо-Ферротти, такъ и нашему правительству.

„Печатано въ Петербургѣ, въ карманной типографіи“.

Баллодъ сознался, что напечаталъ эту прокламацію, давъ ей заглавіе и снабдивъ ее примѣчаніемъ, сначала, въ мартѣ, въ 125—150 экземплярахъ, а затѣмъ, по выходѣ второго изданія брошюры, уже послѣ Пасхи, въ 300—400 экз. Наборъ сдѣлалъ самъ Мошкаловъ, учившій этому искусству Баллода; онъ же и распространилъ большую часть экземпляровъ, оставивъ немного на долю Баллода.

IV.

На вопросъ комиссіи, кто авторъ взятой у него рукописной статьи, направленной тоже противъ брошюры Шедо-Ферротти, Баллодъ отвѣтилъ:

„Я не хотѣлъ сказать фамиліи писавшаго статью противъ Шедо-Ферротти, потому что знаю автора этой статьи очень хорошо, какъ не-революціонера, но котораго будутъ, какъ я думаю, судить, какъ революціонера, за высказанное имъ въ концѣ статьи мнѣніе въ пользу революціи. Причины, по кото-

рымъ онъ впалъ въ крайность, два несчастія, постигшія его одно за другимъ. Коренева, которую онъ сильно любилъ и которую давно считалъ своей невѣстой, вышла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ замужъ за другого. Второе несчастіе—закрытіе журнала „Русское Слово“, отъ котораго онъ только и получалъ средства къ жизни. Содержаніе статьи противъ Шедо-Ферроти я мало помню и потому не могу сказать, какихъ исправленій она требуетъ. Писалъ эту статью Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кандидатъ петербургскаго университета. Однажды пришелъ ко мнѣ Писаревъ. Это было въ половинѣ мая. Мы говорили о брошюрѣ Шедо-Ферроти. Писаревъ сказалъ мнѣ, что онъ писалъ противъ него, но что цензура не пропустила; я просилъ у Писарева эту статью, но онъ сказалъ, что не стоитъ ее читать; я сказалъ: „такъ ты напиши такую, чтобъ стоило прочесть“.—„Зачѣмъ тебѣ?“—спросилъ Писаревъ. Я сказалъ, что, можетъ быть, мнѣ удастся устроить напечатаніе этой статьи. „Изволь“, сказалъ Писаревъ. Въ началѣ іюня я зашелъ къ Писареву, и онъ далъ мнѣ 1½ листа этой статьи. За день до моего ареста Писаревъ принесъ мнѣ вторую половину этой статьи.

Статья Писарева, приложенная къ дѣлу въ подлинномъ автографѣ автора, до сихъ поръ была никому неизвѣстна и потому приводится ниже съ полной точностью.

„Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не заслуживаетъ вниманія, но изъ-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживаетъ въ немъ и патриотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнѣе самого Шедо-Ферроти, но что дѣлать, мы покуда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть въ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

„Обскурантовъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартальнаго надзирателя, нѣтъ того цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считая себя либераломъ, какъ-то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ

либераловъ, начинаетъ это чувствовать ¹⁾ совѣстно ссылатъ Михайлова и Павлова ²⁾; сослать-то онъ ихъ сослалъ, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣлалось такъ прискорбно, что оно напечатало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножнами жандармской сабли ³⁾. Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогрессивныхъ цѣлей пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ-то печатную гласность. Валуевъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либеральнымъ направле-ніемъ ⁴⁾, а при этомъ и продолжаютъ, все-таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тисками ⁵⁾. Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фирксъ, Шедо-Ферротти тожъ, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смотритъ сквозь пальцы на ввозъ этого заказан-наго, но официально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая своего официальнаго разрѣшенія, правительство упрочищаетъ за книжкою заманчи-вость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ-подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое велико-душіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Ферротти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными ⁶⁾. Горбатаго одна могила исправить; наши умѣренныя либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми:

¹⁾ Точки поставлены вмѣсто словъ, неудобныхъ по соображеніямъ цен-зурнымъ.

²⁾ Проф. П. В. Павловъ высланъ въ Вятку въ мартѣ 1862 г. за публичную рѣчь о тысячелѣтнемъ юбилей Россіи. Дѣло это тогда очень шумѣло.

³⁾ Во время студенческой демонстраціи осенью 1861 г. въ Петербургѣ.

⁴⁾ Валуевъ съ 1 января 1862 г. открылъ газету министерства внутрен-нихъ дѣлъ „Сѣверную Почту“, редакторомъ которой первое время былъ А. В. Никитенко, а потомъ И. А. Гончаръ въ.

⁵⁾ Намекъ на старанія Никитенки въ главномъ управленіи цензуры и на цензовства Валуева.

⁶⁾ 1 января 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія, Головнинымъ, было предписано по цензурѣ не допускать никакихъ рѣзкостей и оскорбленій по адресу публициста „Нашего Времени“ Б. Н. Чичерина.

наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный талантъ оподлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея благородна и сама по себѣ чиста.

„Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣють привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человѣкъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти впущено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за что его отдѣлываютъ. Конечно, и „Полярная Звѣзда“, и „Колоколъ“, и „Голоса изъ Россіи“, и грозное „Подъ Судъ“ извѣстны нашей публикѣ, но вѣдь всѣ эти вещи провозятся и читаются вопреки волѣ правительства; стало быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять въ свою очередь. Чернить человѣка, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и бесполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство, очевидно, хочетъ продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія, противоположныя мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться... Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или идти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который повелъ на каторгу Михайлова и Обручева ¹⁾. Хорошо, мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда, который, вѣроятно, случится гораздо пораньше второго пришествія Христова.

„Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе. Намъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Пріятно видѣть, что правитель-

¹⁾ В. А. Обручевъ, сотрудникъ „Современника“, въ 1861 году былъ сосланъ за составленіе и распространеніе „Великорусса“.

ство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ; еще пріятнѣе думать, что правительству не изъ чего выбирать, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспособно по человѣчески мыслить и чувствовать.

„Брошюра Шедо-Ферроти имѣетъ двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣетъ ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

„Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ переѣмѣниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣритъ этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейскою важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ разсыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шницрутенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, поручикъ Александровъ ¹⁾ вовсе не особы европейской важности, а между тѣмъ правительство заживо хоронитъ ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и

¹⁾ Ошибка—капитанъ иаршавской телеграфной станціи Александровъ. Онъ сосланъ въ вѣчную каторгу за то, что, получивъ изъ Петербурга телеграмму отъ Александра II на имя Намѣстника Царства Польскаго, Лидерса, предписывавшую „разгонять толпу холоднымъ оружіемъ, а если нужно, то употребить картечь“, и не желая подвергать разстрѣлу поляковъ, собиравшихся служить поминки по убитымъ въ 1861 г. на улицахъ Варшавы, Александровъ передалъ Лидерсу телеграмму иначе: „дѣйствиельно убиѣніемъ“. Къ вопросу было устраниено, мистификація обнаружена и честный офицеръ погибъ.

миловать со строгимъ разборомъ. Въдѣ, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ, неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если правительство казнить по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разница между казнью безъ суда и убійствомъ изъ-за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ

Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно просвѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобы имѣть въ рукахъ орудіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова ¹⁾, загубленная жизнь Михайлова, Обручева и другихъ, нелѣпое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами—на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями. на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человѣкъ, будетъ непремѣнно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портить человѣка, а не человѣкъ мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ, что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью:

¹⁾ Антонъ Петровъ организовалъ крестьянскія волненія въ с. Безднѣ Казанской губерніи.

судя по себѣ, Бруты и Кассии нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпыя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что еслибы за угрозами послѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозъ не боится. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились—духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отстаиваетъ передъ Россіею и передъ Европою нравственную чистоту III Отдѣленія. Свой своему поневолѣ другъ.

Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ „Колоколѣ“ отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пустить къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ III Отдѣленію. Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ „Колоколѣ“ богатыню для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ, подобныхъ Шедо-Ферроти. Панегиристъ III Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ „Колоколѣ“; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: „запрещено цензурою „Колокола“. Вотъ испугаль-то! Да всѣ статьи Булгарина, Асоченскаго, Рафаила Зотова, Скарятинна, Модеста

монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: „я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ“. Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ за моря и горы *den Dolch im Gewande*, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ, самое оглавленіе (заглавіе) статей „Колокола“, извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: „Бруты и Кассіи III Отдѣленія“ — содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря“.

„Шедо-Ферроти, какъ умственный цигмей и какъ сыщикъ III Отдѣленія, вполне выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придиричивость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ недоговоркахъ и противорѣчійхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣренъ какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

„Вся остальная часть брошюры состоитъ изъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающимъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями, и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣлой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не пред-

видить возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ и что, 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

„Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы долѣе терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать.

„ и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валугеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

„То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчекъ и забросать грязью ихъ смердящія трупы“.

Вотъ та статья, которая повлекла за собой Писарева въ казематъ Алексѣевского рavelина ¹⁾.

¹⁾ Только Е. А. Соловьевъ упоминаетъ вполнѣ вѣрно о причинѣ его ареста (смотри павленковское изданіе его біографіи Писарева, изд. 3-е).

V.

Но это было еще не все, найденное у Баллода.

Не прошелъ незамѣченнымъ и небольшой листокъ слѣдующаго содержанія ¹⁾:

ОФИЦЕРЫ!

„Настало время каждому честному офицеру спросить у своей совѣсти, чего ему держаться въ виду совершающихся событій

„Жизнь Россіи невозможна безъ коренныхъ реформъ. Правительство само это создало; оно даже приступило къ нимъ и—струсило. Эгонистическое, нелюбящее Россіи, оно втягиваетъ государство съ пути реформъ въ путь революціонный. . . .

. Реформа, сопровождающаяся заточеніями, ссылками, каторгой и обгагрямая кровью, есть уже настоящая революція. Правительство первое стало прибѣгать къ оружію, оно само начало революцію и разовьетъ ее дальнѣйшими своими дѣйствіями. Отечеству нашему предстоитъ пора великихъ бѣдствій. Столкновеніе между правительствомъ, упорствующимъ остановить жизнь Россіи, и силою этой жизни—неизбѣжно. Изъ какихъ элементовъ составятся противныя стороны? Положительно можно сказать, что партіи сложатся не по сословіямъ, а по убѣжденіямъ. Въ этомъ столкновеніи сословія перемѣшаются. И потому ваши задачи—не искать, къ какому пристать сословію, а къ какимъ пристать убѣжденіямъ. И обдумать это, провѣрить свои и чужія убѣжденія надобно теперь же. Въ минуту столкновенія разсуждать будетъ поздно: можно падѣлать горькихъ ошибокъ, въ которыхъ вѣчно придется раскаиваться.

Г. Скабичевскій сообщилъ о причинѣ ареста некрѣпо (см. его „Исторію новейшей русской литературы 1848—1892 гг.“, изд. 3-е). Г. Ивановъ тоже сдѣлалъ ошибку (см. „Энциклопедическій словарь“ Ефрона).

¹⁾ Привожу точно съ оригинала.

„На каждомъ человѣкѣ лежитъ прежде всего служба истинѣ и отечеству. Каждый русскій знаетъ, что для блага его родины необходимо: освободить крестьянъ съ землей, выдавъ помѣщикамъ вознагражденіе; освободить народъ отъ чиновниковъ, отъ плетей и розогъ; дать всѣмъ сословіямъ одинаковыя права на развитіе своего благосостоянія; дать обществу свободу самому распоряжаться своими дѣлами; устроить судъ гласный, и дать каждому право свободно высказывать свои мысли. Само правительство не можетъ отвергнуть честности этихъ убѣжденій. А между тѣмъ оно поведетъ васъ противъ нихъ.

.

Но кто же изъ васъ не краснѣлъ отъ такой благодарности?! . . .
 подумайте
 о бѣдномъ, угнетенномъ народѣ и нашей жалкой родинѣ.

„Въ первый день Пасхи воззваніе это поразило долгоруко-долгоухое шпионство въ самую шишку честолюбія: въ дворцовой церкви, передъ самымъ носомъ государя, оно было роздано въ большомъ количествѣ“.

Петербургъ, карманная типографія.
 ми ѣб нити соосо изесв засв—лбоа Випо датож овтви теріе“.

На вопросъ комиссіи объ этой прокламаціи Баллодъ сообщилъ, что ему принадлежитъ лишь второе ея изданіе, которое онъ сдѣлалъ, за неимѣніемъ подлинника, по „Колоколу“, полученному изъ-за-границы черезъ Мошкалова, во второй половинѣ мая, всего въ 70 или 80 экземплярахъ.

При этомъ онъ указалъ на студента Алексѣя Яковлева, какъ на просившаго его посодѣйствовать нанечатанію прокламаціи. Не показавъ ему виду, что онъ имѣетъ свою типографію, Баллодъ и исполнилъ его просьбу. Съ Яковлевымъ же онъ иногда мѣнялся изданіями Герцена. Ему же онъ далъ для распространенія 20 экз. прокламаціи о Шедо-Ферроти и 40—о капитанѣ Александровѣ.

Относительно послѣдней прокламаціи Баллодъ показалъ, что тоже сдѣлалъ лишь второе ея изданіе, перепечатавъ съ перваго, выпущеннаго обществомъ „Великоруссъ“. Она была напечатана въ 400 — 500 экз. При этомъ онъ замѣтилъ: „Въ первомъ экземплярѣ этого вопроса я написалъ, что статью о капитанѣ Александровѣ напечаталъ мнѣ наборщикъ Горбановскій; я солгалъ тамъ—мнѣ было совѣстно смотрѣть на написанное мною, и я поспѣшилъ уничтожить тотъ экземпляръ вопроса“.

Относительно способа распространенія своихъ изданій Баллодъ показалъ:

„Я разбрасывалъ отпечатанные мною листы преимущественно на Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, около Медико-Хирургической академіи, на Невскомъ проспектѣ и на Литейной. Это бывало обыкновенно вечеромъ. Въ кафе-ресторанахъ Еремѣева и Доминика я вкладывалъ ихъ въ газеты и клалъ иногда просто на столъ. У перваго я бывалъ между 3—5 часами, а у послѣдняго, кромѣ того, по вечерамъ“.

На вопросъ: „Въ показаніи своемъ вы говорите, что распространеніе сихъ листовъ въ публикѣ находили полезнымъ по собственному убѣжденію. На чемъ основано это убѣжденіе, и какихъ послѣдствій вы желали достигнуть своими преступными дѣйствіями?“—Баллодъ отвѣчалъ: „На этотъ вопросъ, который я только теперь обдумалъ хорошо, я долженъ отвѣтить тѣмъ, что все это была шалость и увлеченіе. Дѣйствительно, я иногда думалъ, что подобные листки склоняютъ правительство на уступки, какъ, напримѣръ, на свободу книгопечатанія, но это было только между прочимъ“.

Найденный у него „Колоколь“ Баллодъ, по его словамъ, получилъ по почтѣ, благодаря студенту Лобанову, предложившему сначала мѣняться съ нимъ номерами, а потомъ устроившему ему и аккуратное полученіе герценовскаго журнала.

Ознакомившись съ отвѣтами Баллода, комиссія заинтересовалась, куда же дѣвался уничтоженный отвѣтъ на вопросъ о прокламаціи „Подвигъ капитана Александра“. Баллодъ сознался, что бросилъ клочки въ печку каземата. Тотчасъ туда былъ посланъ офицеръ; вернувшись, онъ представилъ комиссіи разорванный полулистъ. Въ концѣ его Баллодъ писалъ: „Государь, когда будете подписывать мнѣ приговоръ, то вспомните, что я жилъ среди воплей и стоновъ, и трудно было мнѣ,

отъ природы очень чувствительному, не сказать упрека тому, кто смотритъ на нихъ равнодушно“. Къ слѣдующему разу привели этотъ листокъ въ порядокъ и спросили Баллода, что онъ хотѣлъ сказать своимъ обращеніемъ къ Государю. Онъ отвѣчалъ: „Слова эти я относилъ къ правительству, которое я считалъ въ своихъ дѣйствіяхъ вялымъ и даже равнодушнымъ ко всѣмъ хорошимъ начинаніямъ“.

Тогда же, въ замѣнъ разорваннаго, Баллодъ представилъ слѣдующее письмо къ Государю:

„Я напечаталъ три листка, которые называются возмутительными. Я не думаю, чтобы мои листки могли возмутить кого-нибудь, потому что, какъ мнѣ кажется, они не могутъ перемѣнить убѣжденій ни въ комъ, а для того, чтобы возмутить кого-нибудь, необходимо перемѣнить въ немъ убѣжденія, т. е. довести до того, чтобы онъ соглашался съ такими листками. Попадись мнѣ мои же листки лѣтъ шесть тому назадъ, я напалъ бы на нихъ точно такъ же, какъ теперь напалъ на брошюру Шедо-Ферроти. Появленіе подобныхъ листовъ показываетъ то, что есть уже люди, которые понимаютъ ихъ. Въ прошломъ году въ это время вышелъ „Великоруссъ“; цѣль его, какъ мнѣ кажется, была зондировать общество. Когда зондированіе дало успѣшныя результаты, тогда комитетъ „Великорусса“ выпустилъ второй и третій номера.

„Потомъ вышло еще нѣсколько листовъ; объ нихъ говорили много, но никогда почти не говорили съ особенно дурной стороны.

„Нѣсколько человѣкъ, недовольныхъ этими листками, зашли въ кабинетъ, прочитали всѣхъ социалистовъ и демократовъ, вскочили, подумали, что строить памятникъ второму тысячелѣтію Россіи, и стали зондировать общество. Общество приняло ихъ за нѣмцевъ и сухо сказала, что оно по-нѣмецки не знаетъ.

„Очень естественно, Государь, что такое движеніе могло увлечь за собой человѣка неопытнаго. Теперь меня изолировали отъ общества и спрашиваютъ, зачѣмъ я печаталъ и какихъ послѣдствій ожидалъ я отъ распространенія этихъ листовъ?

„Печатаю свои листки, я никогда не задавалъ себѣ вопроса, предложеннаго мнѣ комиссіею. Петропавловская крѣпость дала мнѣ возможность обдумать этотъ вопросъ серьезно. Серьезное

размышленіе объ немъ привело меня къ несерьезному результату: я увлекся, отъ нечего дѣлать вздумалъ пошалить и сталъ печатать; когда я печаталъ, мнѣ было весело, я смѣлся и никогда не воображалъ, что эта шалость заведетъ меня такъ далеко.

„Я виноватъ, Государь, передъ Вами. Оправдаться я не могу.

„Въ концѣ своего письма, позвольте, Государь, обратиться къ Вамъ и просить Ваше Величество при подписаніи мнѣ приговора вспомнить о моей молодости, которая была причиной моего увлеченія“.

Горбановскій не призналъ показанія Баллода правильными и настаивалъ на томъ, что ровно ничего ему не печаталъ, красокъ и вальковъ не доставлялъ и шрифта не покупалъ. Потомъ и самъ Баллодъ сознался, что напрасно оговорилъ Горбановскаго, что всѣ типографскія принадлежности получалъ отъ Мошкалова.

Послѣ перваго допроса Баллода и Горбановскаго, комиссія поручила III Отдѣленію немедленно арестовать Мошкалова, Писарева и Лобанова и произвести у нихъ тщательный обыскъ.

VI.

2 іюля Писаревъ и Лобановъ были арестованы и заключены въ крѣпость, а Мошкаловъ оказался вполнѣ легально уѣхавшимъ за границу еще въ концѣ апрѣля. 3-го числа Писарева возили на квартиру штабсъ-капитана Попова, воспитателя 2 кадетскаго корпуса, у котораго онъ нанималъ комнату, опечатали всѣ его бумаги и вернули въ крѣпость. Шкапъ съ бумагами самого Попова былъ пока не тронутъ, но все же запечатанъ...

Комиссія съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждала показаній Писарева. Кн. Голицынъ былъ увѣренъ, что во всемъ движеніи роль инспиратора принадлежитъ литературѣ и не столько даже ей, сколько отдѣльнымъ литераторамъ. Какъ и теперь, эти люди не понимали, что во главѣ всей оппозиціонной арміи шло нѣчто большее отдѣльныхъ лицъ и группъ, что шла сама жизнь. Искали лицъ и рады были каждой находкѣ. Конечно, Писаревъ, уже тогда бывшій крупной фигурой,

казался комиссіи очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ, которымъ она была обязана Баллоду.

Впервые на допросъ Писаревъ былъ приведенъ 6 іюля. Ему сразу же предъявили статью, взятую у Баллода. Какъ же раздражена была комиссія, когда получила въ отвѣтъ: „Я, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Дмитрій Писаревъ, предъявленной мнѣ статьи не писалъ и не сочинялъ!“.. Упорствовавшего отправили обратно въ „казематъ и рѣшили дать ему очную ставку съ Баллодомъ. Разсмотрѣніе бумагъ его было поручено Каменскому. Генераль-губернатору сообщили, что необходимо имѣть и тѣ бумаги Попова, которыя оставлены запечатанными въ шкапу.

Когда все это было исполнено, 9-го іюля Писареву снова предъявили рукопись статьи и одно изъ его писемъ, взятыхъ на обыскѣ. Дмитрій Ивановичъ написалъ: „Я, кандидатъ Дмитрій Писаревъ, дѣйствительно писалъ предъявленное мнѣ письмо, но статья, заключающая въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, написана не мною, хотя почеркъ поразительно похожъ на почеркъ моей руки“... 11-го ему была дана очная ставка съ Баллодомъ. Писаревъ оставался твердъ: „Уликъ г. Баллода я не признаю и остаюсь при прежнемъ показаніи моемъ, данномъ въ комиссіи“... Послѣ этого его не беспокоили ровно мѣсяцъ. Очевидно, хотѣли показать, что могутъ рѣшить дѣло безъ его показаній, и тѣмъ напугать.

Посаженный въ Алексѣевскій равелинъ, Писаревъ былъ подвергнутъ непривычному, особенно для него, человѣка избалованнаго и нѣжнаго, довольно суровому режиму.

Каковы были тогда порядки въ равелинѣ—разсказываетъ самъ помощникъ смотрителя этого самодержавнаго заведенія.

Въ каждой двери каземата, выходившей во внутренній коридоръ, было небольшое, въ одно звено, окошко, прикрытое со стороны коридора зеленою шерстяною занавѣскою. Приподнявъ ея уголь, часовой могъ бдительно наблюдать за арестованнымъ. Двое часовыхъ съ обнаженными саблями ходили по всѣмъ коридорамъ; толстый, мягкій половикъ совершенно скрадывалъ ихъ шаги. Казематы отапливались небольшими голландками изъ коридора, тепловыя же отдушины были въ казематахъ. Обстановка послѣднихъ состояла: изъ деревянной зеленой кровати съ двумя тюфяками изъ оленьей шерсти и двумя перовыми подушками, съ двумя простынями и байко-

вымъ одѣяломъ, изъ деревяннаго столика съ выдвижнымъ ящикомъ и стула. Одѣвали заключенныхъ во все казенное: холщевое бѣлье, носки, туфли и байковый халатъ; послѣдній безъ обычныхъ шнуровъ, замѣненныхъ короткими байковыми же завязками. Вообще всѣ крючки и пуговицы въ бѣльѣ и одеждѣ были изъяты; вмѣсто нихъ были вездѣ матерчатые завязки. На голову надѣвалась мягкая русская фуражка; у кого головной уборъ былъ свой, могли носить его, если только это не былъ цилиндръ. Собственное платье и бѣлье выдавались только для выходовъ на свиданье съ родственниками и на допросы. Вся обѣденная и чайная посуда была изъ литого олова; ножей и вилокъ не полагалось, все подавалось уже наръзаннѣмъ и лишеннымъ костей. Обѣдъ и чай подавались солдатами равелинной команды подъ наблюденіемъ караульнаго начальника изъ унтеръ-офицеровъ. Эти же солдаты по утрамъ убирали казематы. На пищу и чай отпускалось на человѣка въ день 50 копеекъ. Обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники давалось что-нибудь сладкое, а въ царскіе дни еще и по стакану винограднаго вина. Чай утромъ и вечеромъ съ французской булкой. Бѣлье мѣнялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ, топилась два раза въ мѣсяцъ. Изъ библіотеки выдавались книги по исторіи и религіи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. У каждого заключеннаго была оловянная чернильница и гусинья перья, уже заранѣе очиненныя. Бумага выдавалась по требованію. Вся корреспонденція въ равелинъ и изъ него шла черезъ III Отдѣленіе ¹⁾.

Разобравшись въ бумагахъ и въ показаніяхъ другихъ, 11 августа Писарева призвали на четвертый допросъ. Показанія его были очень обширны и довольно полно удовлетворили любопытство комиссіи, предложившей массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

„Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, 21 годъ отъ рожденія ²⁾, православнаго вѣроисповѣданія, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно. Родители мои: отставной штабсъ-капитанъ Ивацъ Ивановичъ Писаревъ и Варвара Дмитриевна Писа-

¹⁾ Борисовъ, „Александровскій равелинъ въ 1862 — 1865 гг.“, „Русская Старина“ 1901 г., XII.

²⁾ Родился 2 октября 1840 года.

рева, урожденная Данилова, проживаютъ въ Тульской губ., въ Новосильскомъ у., въ сельцѣ Бутырки. У меня двѣ сестры ¹⁾, братьевъ нѣтъ. Состояніе моего отца заключается въ деревнѣ или сельцѣ Бутыркахъ, около 600 дес. земли. Я окончилъ курсъ въ университетѣ въ маѣ 1861 г., а въ сентябрѣ того же года получилъ кандидатскій дипломъ; проживалъ послѣ того въ Петербургѣ, на квартирѣ штабсъ-капитана Василя Петровича Попова, занимался работами для журнала „Русское Слово“ и содержалъ себя, какъ деньгами, получаемыми за статьи, такъ и жалованьемъ за исправленіе должности помощника редактора означеннаго журнала; получилъ я эту должность въ декабрѣ 1861 года. До настоящаго арестованія я былъ подѣ слѣдствіемъ въ началѣ мая 1862 г. за то, что въ вокзалѣ желѣзной дороги ударилъ отставного прапорщика Евгенія Николаевича Гарднера хлыстомъ по лицу. Слѣдствіе производилось въ Каретной ²⁾ части слѣдственнымъ приставомъ Ласовскимъ, и кончилось тѣмъ, что мы оба подали мировое прошеніе“.

Какъ уже извѣстно, Гарднеръ женился, въ апрѣлѣ 1862 года, на Раисѣ Александровнѣ Кореновой, которую Писаревъ считалъ своей невѣстой. По словамъ самой г-жи Гарднеръ, по смерти ея матери, мать Писарева замѣнила ей самую заботливую и нѣжную мать. Дѣтство свое она провела съ Дмитріемъ Ивановичемъ. „Митя былъ довольно равнодушенъ къ большинству окружающихъ, но мы съ нимъ были однихъ лѣтъ, и я стала исключительною, но горячею и безповоротною его привязанностью. Привязанность эта только росла съ годами и становилась все болѣе и болѣе предметомъ страданій и всевозможныхъ опасеній для матери. Она положительно сдѣлала какое-то пугало для себя изъ этой привязанности и ожидала отъ нея самыхъ ужасныхъ послѣдствій“ ³⁾. Несмотря на это, Писаревъ искренно и глубоко все время любилъ дѣвушку и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда будетъ имѣть возможность связать съ нею жизнь... И, конечно, Дмитрій Ивановичъ не могъ спокойно перенести этотъ тяжелый ударъ и написалъ своему сопернику еще до свадьбы очень характерное для него

¹⁾ Вѣра и Екатерина.

²⁾ Нынѣ Александровско-Невской. Столкновеніе произошло на Царскосельскомъ вокзалѣ.

³⁾ Р. А. Гарднеръ, „В. Д. Писарева“, „Русская Старина“, 1880 г. XII.

письмо. Привожу его съ писаревской копіи, имѣющейся въ дѣлѣ.

„Милостивый государь Евгеній Николаевичъ! Какъ вы легко можете себѣ представить, я вовсе не радуюсь тому, что вы женитесь на моей двоюродной сестрѣ. Не питая къ вамъ особенной симпатіи, не имѣя высокаго мнѣнія о вашемъ умѣ и характерѣ, я намѣренъ высказать вамъ нѣсколько горькихъ истинъ: я считаю васъ за ¹⁾ и за фата и со свойственной мнѣ откровенностью выражаю это мнѣніе. Я выражалъ его другимъ людямъ, говоря по поводу вашей женитьбы слѣдующую русскую пословицу: „не въ коня кормъ“ и варьируя ее иногда такъ: „не въ ²⁾ кормъ“.

„Вы удивитесь моему письму и не будете знать, что съ нимъ дѣлать. Я вамъ укажу три образа дѣйствій:

1) Вы можете разорвать это письмо, притвориться, какъ будто вы его не получали, продолжать со мною пріятельскія отношенія и даже при случаѣ порисоваться великодушіемъ и даже видѣть меня шаферомъ на вашей свадьбѣ.

2) Вы можете вызвать меня на дуэль, и я буду къ вашимъ услугамъ.

3) Вы можете представить это письмо III-му Отдѣленію, и меня тогда посадятъ подъ арестъ, какъ нарушителя общественнаго спокойствія.

„Въ первомъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы проглотили непозолоченную пилюлю. Во второмъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно сорвать зло на васъ или на самомъ себѣ. Въ третьемъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы сдѣлали подлость. Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятно подбавить капельку горечи въ ваше незаслуженное счастье, которое достается вамъ на долю только потому, что теперь весна пробуждаетъ чувственность женщинъ и усыпляетъ мозговую дѣятельность. Еслибы я васъ уважалъ, я бы не написалъ этого письма, а просто спокойно отошелъ бы въ сторону.

Готовый къ услугамъ вашимъ

Дмитрій Писаревъ.

¹⁾ Опускаю ругательство.

²⁾ Тоже.

„P. S. Предупреждаю васъ, что я оставилъ у себя копію этого письма и что эту копію я, когда мнѣ вздумается, покажу, кому вздумается. Фактическихъ дерзостей я вамъ не сдѣлаю, потому что уважаю самого себя. Это письмо, въ сущности, не дерзость, это откровенно выраженное мнѣніе. Если вы съ нимъ согласны, проглотите пилюлю и смолчите; если, паче чаянія, несогласны, протестуйте. Можете даже затѣять диспутъ, въ которомъ я буду доказывать, что вы ¹⁾ фать, а вы будете доказывать совершенно противное“.

4-го апрѣля.
1862 г.

Гарднеръ, ничего, повидимому, не отвѣтилъ Писареву, зная его, какъ не только вспыльчиваго, но и больного человѣка; Писаревъ былъ еще болѣе возмущенъ... Въ первыхъ числахъ мая онъ отправился на Царскосельскій вокзалъ, дождался тамъ своего соперника, уже мужа Кореновой, и, подойдя къ нему въ упоръ, ударилъ хлыстомъ по лицу. Завязалась борьба, въ результатъ которой послѣдовалъ полицейскій протоколъ и возбужденіе дѣла о нарушеніи тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ этого Писаревъ получилъ отъ Гарднера слѣдующее письмо отъ 4 мая:

„Милостивый государь! Вы хорошо понимаете, что, не устроивъ предварительно состоянія моей жены и не обезпечивъ по возможности ея спокойствія, я не могъ стрѣляться съ вами. Обвиняя меня на желѣзной дорогѣ въ отказѣ дать вамъ удовлетвореніе, вы только сдѣлали еще одну лишнюю и совершенно бесполезную для себя подлость. Г. Чужбинскій, а равно и братъ мой свидѣтели, что вызовъ вашъ былъ мною принятъ. Причина, по которой я назначилъ дуэль въ Москвѣ и требовалъ 10-дневнаго срока, послѣ всего сказаннаго должна быть вамъ ясна. Я думаю, что вы не захотите покончить это дѣло побоищемъ на желѣзной дорогѣ, которое, впрочемъ, оказалось совсѣмъ не въ вашу пользу, чему можетъ служить свидѣтельствомъ плачевное состояніе вашей фізіономіи. А потому повторяю, что по окончаніи полицейскаго дѣла я снова готовъ къ вашимъ услугамъ, но все же не иначе, какъ въ

¹⁾ Опускаю обидный эпитетъ

Москвѣ и по истеченіи 10-дневнаго срока, считая со дня моего выѣзда изъ Петербурга.

*Е. Гарднеръ.*⁴

Затѣмъ въ послѣдствіи отношенія между Писаревымъ и Гарднеромъ вовсе не были недружелюбны ¹⁾.

VII.

На второй вопросъ (тоже ясный, какъ и первый, изъ отвѣта) Писаревъ отвѣчалъ:

„Въ Петербургѣ я знакомъ съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, съ г. Благосвѣтловымъ, съ г. Поповымъ, съ г. Минаевымъ ²⁾, съ г. Крестовскимъ ³⁾ — составляющими ближайшій кругъ редакціи „Русскаго Слова“. Сошелся я съ ними въ концѣ 1860 г., а съ гр. Кушелевымъ-Безбородко весной 1861 г. Въ университетѣ я былъ знакомъ съ очень многими студентами; въ началѣ моего курса, отъ 1856 до 1859 г. — преимущественно съ студентами историко-философическаго факультета: Трескинымъ, Майковымъ ⁴⁾, Ординымъ ⁵⁾, Полевымъ ⁶⁾, Замысловскимъ ⁷⁾, Скабичевскимъ ⁸⁾ и Макушевымъ ⁹⁾. Въ концѣ 1859 г. я сошелъ съ ума, и меня помѣстили въ психіатрическую лѣчебницу доктора Штейна, гдѣ я пробылъ до половины апрѣля 1860 г., потомъ я уѣхалъ въ деревню къ моимъ родителямъ, для восстановленія силъ, и пробылъ тамъ до конца сентября. Пріѣхавши въ Петербургъ, я перемѣнилъ кругъ знакомства и, поселившись на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Бѣлянина, въ квартирѣ кухмистерши Мазановой,

¹⁾ Кое-что о Ранцѣ Александровнѣ Кореневой интересующіеся найдутъ въ біографіи Писарева, написанной покойнымъ Е. А. Соловьевымъ.

²⁾ Дмитрій Дмитріевичъ, извѣстный поэтъ и переводчикъ. Писалъ политическіе фельетоны подъ псевдонимомъ „Темный человѣкъ“.

³⁾ Всеволодъ Владиміровичъ, потомъ спустившійся до своей печальной извѣстности.

⁴⁾ Леонидъ Николаевичъ, младшій братъ А. Н.

⁵⁾ Братъ извѣстнаго филофоба К. Д. Ордина.

⁶⁾ Петръ Николаевичъ, старшій сынъ извѣстнаго въ первой половинѣ XIX ст. журналиста

⁷⁾ Егоръ Егоровичъ, небезызвѣстный историкъ.

⁸⁾ Нынѣ здравствующій писатель.

⁹⁾ Викентій Васильевичъ, извѣстный славистъ.

сблизился съ моими сосѣдями студентами: тремя братьями Жуковскими, двумя Даниловыми, Баллодомъ, Сурковымъ и Федотовымъ. Потомъ, въ сентябрѣ 1861 г., сблизившись съ редакціею „Русскаго Слова“, я, по приглашенію г. Попова, поселился у него на квартирѣ, гдѣ и былъ арестованъ. Встрѣчался я у гр. Кушелева со многими литераторами и познакомился довольно коротко съ г. Аванасьевымъ-Чужбинскимъ ¹⁾, Палаузовымъ ²⁾, Шишкинымъ, съ братьями Тибленами ³⁾, съ Достоевскими ⁴⁾, съ Крепнинымъ, у котораго я еще прежде, въ 1859 г., работалъ въ журналѣ „Разсвѣтъ“. Съ другими редакціями я не сходилъ и только два раза былъ, по дѣламъ журнала, у г. Чернышевскаго.

„Съ студентомъ Баллодомъ я познакомился, какъ сосѣдъ по квартирѣ и какъ товарищъ по университету. Видались мы съ нимъ осенью 1860 г. и весною 1861-го почти ежедневно, осенью 1861-го рѣже, разъ въ недѣлю или въ двѣ, а съ начала 1862 г., послѣ того, какъ пріятель мой, Владиміръ Жуковский, уѣхалъ въ Уфу, я пересталъ бывать въ домѣ Бѣлянина и не видался съ Баллодомъ до мая. Въ маѣ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ; онъ упрекнулъ меня, зачѣмъ я его забылъ; я обѣщалъ зайти къ нему и звалъ его также къ себѣ; потомъ я былъ у него раза два или три, и онъ у меня раза два, но засталъ меня дома только одинъ разъ. Когда я бывалъ у Баллода ежедневно, то встрѣчались обыкновенно нашихъ сосѣдей по квартирѣ, игралъ съ ними въ карты; иногда мы пили вмѣстѣ и принимали женщинъ. О политической дѣятельности своей Баллодъ мнѣ ничего не говорилъ; иногда только, осенью 1861 г., сосѣди предупреждали меня, чтобы я не входилъ къ Баллоду, потому что у него собрался интимный кружокъ. Не желая мѣшать ихъ занятіямъ, я всегда пользовался этимъ предостереженіемъ и потому близкихъ и довѣренныхъ лицъ Баллода не знаю. Участвія въ дѣйствіяхъ Баллода я не принималъ. Я догадывался, что кружокъ Баллода имѣетъ политическія стремленія, но такъ какъ самъ Баллодъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, то я и не спрашивалъ, чтобы не показать любопытства и навязчивости.

¹⁾ Извѣстный беллетристъ и этнографъ.

²⁾ Спиридонъ Николаевичъ, знатокъ исторіи балканскихъ государствъ.

³⁾ Содержатели типографіи и издатели.

⁴⁾ Федоръ и Михаилъ.

„Я вообще говорилъ съ Баллодомъ о моихъ журнальныхъ работахъ, какъ о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ меня; при этомъ я упомянулъ вскользь о статьѣ по поводу Шедо-Ферротти, пожаловался на строгость цензуры, которая даже такихъ пустяковъ не пропускаетъ, и когда Баллодъ просилъ показать ему запрещенную статью, я отвѣчалъ ему, что это ничтожная статья, которую не стоило ни читать, ни запрещать, ни отстаивать отъ цензуры. При этомъ я долженъ оговориться, что запрещенная статья моя не заключала въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферротти, а только группировку отзывовъ его о Герценѣ и Огаревѣ. Она никуда не пошла и, вѣроятно, не сохранилась¹⁾“.

Но вотъ, выслушавъ, вѣроятно, всевозможныя увѣщанія, увѣренія и пр. комиссіи, Писаревъ, наконецъ, даетъ такъ долго отъ него ожидавшееся признаніе:

„Я вижу, что дальнѣйшее заперательство бесполезно и невозможно, и потому рѣшаюсь разъяснить все дѣло. Разговоръ мой съ Баллодомъ происходилъ дѣйствительно такъ, какъ показываетъ Баллодъ. Я принялъ его предложеніе и исполнилъ данное ему обѣщаніе. Въ разговорѣ съ Баллодомъ, я выразилъ раздраженіе противъ цензурныхъ притѣсненій и вообще противъ отношеній правительства къ литературѣ. Баллодъ предлагалъ мнѣ выразить это раздраженіе, и я согласился, потому что, во 1-хъ, это предложеніе давало мнѣ возможность вылить накопившуюся жолчь; во 2-хъ, оно льстило моему авторскому самолюбію; въ 3-хъ, оно было такъ поставлено, что не принять его значило бы обнаружить трусость. Вотъ побужденія, заставившія меня писать эту статью. Определенной цѣли у меня не было, потому что я не зналъ и не разспрашивалъ, какимъ образомъ Баллодъ намѣренъ распространить мою статью. Я слышалъ отъ него только, что онъ можетъ ее напечатать. Когда я сталъ писать, то уже увлекся за предѣлы всякой осторожности и благоразумія; я далъ полную волю моему раздраженію и обругалъ всѣхъ и все, что только попалось мнѣ подъ руку. Статья эта, какъ и большая часть моихъ журнальныхъ статей, писана безъ черновой, прямо

¹⁾ Въ „Сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году“, тогда же изданнымъ секретно министерствомъ народнаго просвѣщенія, эта статья почему-то не напечатана. Поэтому врядъ ли теперь можно надѣяться найти ее.

набѣло, подъ впечатлѣніемъ минуты. А впечатлѣнія эти были: закрытіе воскресныхъ школъ и читаленъ, закрытіе Шахматнаго клуба¹⁾, приостановленіе журналовъ „Современникъ“ и „Русское Слово“²⁾, упраздненіе II отдѣленія Литературнаго Фонда. Все это волновало меня и отражалось на моей статьѣ. Поэтому она написана рѣзко, заносчиво и доходитъ до такихъ крайностей, которыя я въ спокойномъ расположеніи не одобряю.

„Что я дѣйствительно человѣкъ впечатлительный и сильно увлекающійся—это доказывается, во 1-хъ, моимъ упоминаніемъ, о которомъ я упомянулъ въ отвѣтѣ на второй вопросный пунктъ. Свѣдѣнія о моемъ темпераментѣ могутъ быть получены отъ докторовъ Штейна и Шульца, пользовавшихся меня во время моей душевной болѣзни; во 2-хъ, моею исторіею съ г. Гарднеромъ, о которой я упоминаю въ отвѣтѣ на 1-й пунктъ; въ 3-хъ, моими карточными долгами, о которыхъ говорится въ 10 пунктѣ. Написавши свою отчаянно рѣзкую статью, я отдалъ ее Баллоду, который вскорѣ послѣ того былъ арестованъ. Когда меня арестовали и привели въ комиссію, я рѣшился не сознаваться. Главною побудительною причиною моею въ этомъ случаѣ было нежеланіе набросить тѣнь на ту часть журналистики, къ которой я принадлежалъ. Я не хотѣлъ подать повода думать, что литераторы замѣшаны въ тайныя агитаціи, тѣмъ болѣе, что нелѣпыя толки въ обществѣ и даже въ газетахъ (въ „Сѣверной Пчелѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“) приводили эту агитацію въ связь съ петербургскими пожарами. Такъ какъ я самъ принялъ участіе въ агитаціи совершенно случайно, то я не хотѣлъ, чтобъ мое неосторожное поведеніе повредило въ какомъ бы то ни было отношеніи литераторамъ, съ которыми я работалъ.

„Объяснивши, такимъ образомъ, дѣло мое по чистой совѣсти, я совершенно предаю себя правосудію комиссіи. Находясь теперь въ спокойномъ состояніи духа, рѣшившись откровенно сознаться въ моемъ преступленіи, я осмѣливаюсь

¹⁾ Шахматный клубъ былъ, собственно, литературнымъ клубомъ.

²⁾ И Баллодъ и Писаревъ сдѣлали, разумѣется, умышленно передержку: „Современникъ“ и „Русское Слово“ были приостановлены на восемь мѣсяцевъ фактически 12 іюня, а официально объ этомъ объявлено 19-го. Баллодъ же начало статьи получилъ отъ Писарева еще въ маѣ. Комиссія не замѣтила этой неточности въ приказаніяхъ.

обратиться къ милосердію Монарха, хотя чувствую, что не имѣю на то ни малѣйшаго права. Я умоляю Его Величество не считать меня закоренѣлымъ преступникомъ и взглянуть на мою преступную статью, какъ на минутный порывъ, а не какъ на выраженіе обдуманнаго плана дѣйствій. Я такъ молодъ, такъ способенъ увлекаться и ошибаться, такъ мало знаю жизнь, что часто не умѣю взвѣснить свои слова и поступки. Все это нисколько не оправдываетъ меня, но я увѣренъ, что высочайше утвержденная комиссія повергнетъ эти обстоятельства на милостивое вниманіе Его Величества, и что милосердіе Монарха дастъ мнѣ возможность загладить послѣдующимъ моимъ поведеніемъ совершенное мною преступленіе“...

На вопросъ, насколько было близко знакомство съ Благосвѣтловымъ и Поповымъ, Дмитрій Ивановичъ отвѣчалъ:

„Съ гг. Поповымъ и Благосвѣтловымъ я познакомился въ октябрѣ 1860 года. Знакомство мое съ ними началось съ того, что я принесъ въ редакцію „Русскаго Слова“ переводъ поэмы Гейне—„Атта Троль“, который былъ помѣщенъ въ XII книжкѣ „Русскаго Слова“ за 1860 г. Потомъ я сталъ получать заказы на каждый мѣсяцъ, сталъ часто бывать у Благосвѣтлова, въ сентябрѣ 1861 г. поселился у Попова, въ ноябрѣ того же года мы съ Благосвѣтловымъ стали говорить другъ другу „ты“, а въ декабрѣ онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ по редакціи. Я согласился и исправлялъ эту должность до приостановленія „Русскаго Слова“, происшедшаго въ іюнь. Отношенія наши съ Благосвѣтловымъ были самыя дружескія; онъ принималъ даже участіе въ томъ, что касалось лично до меня и до моего семейства. Съ Поповымъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ“¹⁾.

VIII.

Затѣмъ были заданы вопросы по найденнымъ на обыскѣ бумагамъ.

Между прочимъ, въ письмѣ матери отъ 18 сентября 1861 г. обратило на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „Въ Сѣверной

¹⁾ Ниже, въ особомъ приложеніи, я печатаю вѣскольکو писемъ Благосвѣтлова къ Попову; по моему мнѣнію, они педурно освѣщаютъ взгляды руководители „Русскаго Слова“. Разумѣется, они печатаются съ подлинниковъ.

Пчелѣ“ пишутъ, что устраивается подписка въ пользу бѣдныхъ студентовъ; вотъ бы ты подписался — неужели у тебя умерло чувство жалости—право, вѣдь это лучше, нежели пообѣдать у Дюссо въ честь какихъ-то странныхъ убѣждений“. При этомъ приписка сестры: „Понимаю обѣдъ 5 сентября и отъ души сочувствую“. На вопросъ, что это за обѣдъ, Писаревъ отвѣчалъ: „Обѣдъ у Дюссо 5 сентября давался мною въ честь моей двоюродной сестры, Рансы Александровны Кореновой, съ которою я воспитывался и въ которую былъ влюбленъ. Въ этотъ день—ея именинъ—я хотѣлъ ихъ праздновать. На обѣдъ присутствовали г. Баллодъ и Владиміръ Жуковскій; насъ было всего трое. Сестра моя сочувствовала любви моей, а мать моя смотрѣла на нее недоброжелательно, но почему она называетъ ее „странными убѣждениями,“—этого я не знаю“.

Затѣмъ въ другомъ письмѣ матери, отъ 13 января 1862 г., она между прочимъ писала сыну: „Ты упорно молчишь—ну, и Богъ съ тобой; слишкомъ заняты социальными вопросами, чтобъ къ матери написать: резонъ“. Сестра въ припискѣ высказалась тоже противъ пути, по которому пошелъ братъ, и упрекнула его за охлажденіе къ матери. На вопросъ комиссіи, что все это значить, Писаревъ отвѣтилъ: „Моя мать была недовольна тѣмъ, что я рѣдко пишу къ ней; кромѣ того, ей не нравилось реальное направленіе мыслей, проявлявшееся въ моихъ статьяхъ для „Русскаго Слова“, поэтому она и отзывается съ укоризною о социальныхъ вопросахъ и о ложной дорогѣ“.

Въ числѣ бумагъ былъ клочокъ слѣдующаго содержанія:

„Поповъ	927
Чужбинскій	650
Апухтинъ	344
Быковскій	224
Кушелевъ	463
Благосвѣтловъ	88
Новицскій	41
Баллодъ	38
Нехлюдовъ	40
Козлова	30
Деяновъ	50

2,895.

105“.

Писаревъ расхолодилъ комиссію, сказавъ, что это цифры его карточныхъ долговъ...

Заинтересовало слѣдственную комиссію и письмо къ Писареву Л. Тиблена, отъ 3 марта 1862 г., слѣдующаго содержания: „Надобно достать, добрѣйшій Дмитрій Ивановичъ, на полчаса отъ Павлова его статью, подписанную Бекетовымъ. Я буду сейчасъ у Рахманинова и увѣдомлю его, что статья процензурована. Павловъ не можетъ отдать совсѣмъ подписаннаго Бекетовымъ экземпляра, потому что его, какъ слышно, сегодня же потянуть въ 3 отдѣленіе, и онъ долженъ имѣть подпись цензора для оправданія. А статью надо только показать Рахманинову, иначе онъ не выпуститъ книжки, въ особенности, если будетъ скандалъ“.

Писаревъ далъ такое объясненіе, кстати сказать, очень интересное и для насъ, потому что освѣщаетъ малоизвѣстный фактъ: „Здѣсь идетъ дѣло о статьѣ профессора Павлова — „Тысячелѣтіе Россіи“, читанной имъ, 2-го марта 1862 г., въ домѣ Руадзе, на публичномъ чтеніи. Статья эта была разрѣшена для чтенія цензоромъ Бекетовымъ и приобрѣтена редакціей „Русскаго Слова“ для напечатанія въ февральской книжкѣ. Я былъ на чтеніи 2 марта и, взявъ у г. Павлова писанный экземпляръ его рѣчи, отвезъ въ типографію и приказалъ поскорѣе набрать ее, чтобъ успѣть выпустить февральскую книжку 3 или 4 марта. Г. Павловъ не далъ мнѣ того экземпляра, который былъ подписанъ г. Бекетовымъ, говоря, что онъ нуженъ ему, какъ доказательство, что статья дѣйствительно пропущена цензурою. Но такъ какъ нашимъ цензоромъ былъ г. Рахманиновъ, то ему надо было предъявить экземпляръ, подписанный Бекетовымъ, иначе онъ могъ отказать въ выдачѣ билета на выпускъ книжки. Объ этомъ и пишетъ мнѣ Тибленъ, въ типографіи котораго печаталось „Русское Слово“. Такъ какъ рѣчь Павлова произвела сильное впечатлѣніе на публику, то въ обществѣ стали ожидать, что Павлову достанется, и Тибленъ упоминаетъ объ этомъ словами: „если будетъ скандалъ“. Я принималъ во всемъ дѣлѣ такое участіе: взялъ рѣчь Павлова и отвезъ ее въ типографію, хлопоталъ о разрѣшеніи ея, ѣздилъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета и къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ эти старанія оказались безплодными, и

рѣчь Павлова, несмотря на подпись цензора Бекетова, осталась ненапечатанною“.

Что касается маленькой фотографической группы—Герценъ и Огаревъ, взятой у Писарева, то онъ показалъ: „Фотографическіе портреты Герцена и Огарева продаются почти во всѣхъ бумажныхъ лавкахъ. Въ одной изъ нихъ я купилъ этотъ экземпляръ. Съ этими лицами я не знакомъ и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, ни личныхъ, ни письменныхъ: купилъ я ихъ миниатюрный портретъ изъ любопытства, какъ могъ бы купить портретъ Гарибальди, Кавура или Людовика-Наполеона“.

Наконецъ, относительно нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, считавшихся безусловно запрещенными, Писаревъ отвѣчалъ: „Сочиненіе Бюхнера „Physiologische Bilder“ служило мнѣ для составленія статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Русскаго Слова“. Въ этой статьѣ я прямо указываю на источникъ, а такъ какъ эта статья пропущена цензурою, то и книгу Бюхнера я считалъ незапрещенною. Всѣ указанная сочиненія были куплены мною лично въ разныхъ магазинахъ иностранныхъ книгъ въ Петербургѣ въ теченіе 1861 и 1862 годовъ“.

IX.

Обратимся теперь къ знакомству съ другими лицами, замѣшанными въ дѣло.

Арестовавъ Лобанова, комиссія узнала, что взять не тотъ, котораго надо было. Въмѣсто Василія взяли Николая. 5 іюля ошибка была исправлена.

Василій Лобановъ¹⁾ былъ опрошенъ 6 іюля. Онъ отвѣчалъ, что ни одного номера „Колокола“ не получалъ, а потому и не могъ снабжать имъ Баллода, котораго зналъ по университету ближе обыкновеннаго, потому что Баллодъ былъ редак-

¹⁾ 19-лѣтній студентъ петербургскаго университета, куда поступилъ въ 1859 г.; послѣ безпорядковъ 1861 г. вышелъ оттуда, былъ подъ слѣдствіемъ и сидѣлъ вмѣстѣ со многими товарищами въ Петропавловской крѣпости. Затѣмъ былъ привлеченъ по дѣлу „Великорусса“, отъ котораго отдѣлялся строгимъ внушеніемъ, а по суду получилъ высочайшее прощеніе. Л. Ф. Пантелѣевъ характеризуетъ его, какъ человѣка несерьезнаго (см. стр. 55—56 его книги—„Изъ воспоминаній прошлаго“).

торомъ студенческаго сборника отъ разряда естественныхъ наукъ, а Лобановъ—депутатомъ кассы для бѣдныхъ студентовъ, и они часто встрѣчались на дѣловыхъ сходкахъ и собраніяхъ. Но 9-го числа сознался, что дважды давалъ Баллоду „Колоколь“, полученный еще два года назадъ отъ студента Печаткина. При этомъ онъ подтвердилъ, что Баллодъ выразилъ ему желаніе получить „Колоколь“ аккуратно и что, возвращая полученный отъ него номеръ, онъ, Лобановъ, сообщилъ объ этомъ Печаткину. Послѣдній отвѣтилъ, что это можно устроить, и взялъ адресъ Баллода.

Разумѣется, ночью 11-го арестовали и Печаткина ¹⁾. У него нашли, между прочимъ, слѣдующую записку отъ 26 апрѣля 1862 г.: „Евгеній Петровичъ, я васъ прошу достать мнѣ по мѣрѣ силъ вашихъ послѣднія прокламаціи и передать мнѣ ихъ лично; одинъ студентъ сегодня просилъ меня непременно добыть ихъ; одинъ его хорошій знакомый ѣдетъ въ провинцію и желаетъ распространить ихъ тамъ; такъ какъ онъ человѣкъ надежный, то мнѣ бы хотѣлось услужить ему,—я ему пообѣщалась и до сихъ поръ ничего не могу исполнить своего обѣщанія. Прошу Васъ, Евгеній Петровичъ, исполнить мою просьбу, Вы меня очень обяжете, и я вамъ очень благодарна. Прощайте. В. Доставьте мнѣ ихъ завтра, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“.

По сличеніи почерка съ письмами той же руки, комиссія признала, что записка эта писана нѣкою Варварой Глушановской. Приказано было обыскать ее и арестовать.

Е. П. Печаткинъ рассказалъ мнѣ, что потомъ Лобановъ, видимо, очень страдалъ отъ неосторожности и откровенности своихъ показаній, о чемъ онъ заключилъ изъ того тона, которымъ звучалъ голосъ Лобанова, какъ-то случайно увидавшаго Печаткина въ крѣпостномъ коридорѣ и крикнувшаго ему: „Прости меня, Печаткинъ“. Онъ также замѣтилъ, что не разъ

¹⁾ Печаткинъ учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, въ университетъ поступилъ въ августѣ 1860 г. 12 октября слѣдующаго года былъ заключенъ въ крѣпость за безпорядки въ университетѣ; 6 декабря освобожденъ. Былъ тогда же депутатомъ отъ студенчества имѣть съ Гердомъ, Гайдебуровымъ, Макаровымъ, Лиманскимъ, Спасскимъ, Пантелешевымъ, Гогоберидзе, Утинымъ и Неклюдовымъ. Братья Печаткина, Константинъ и Василій, занимались писчебумажнымъ производствомъ, а Вячеславъ—книжной торговлей.

считывалъ отдѣлаться такъ легко, какъ отдѣлался въ концѣ концовъ. Во-первыхъ, онъ никакъ не думалъ, что пришедшіе дѣлать обыскъ не посмотрятъ въ дверной почтовый ящикъ: тамъ лежала пачка какихъ-то прокламацій. Во-вторыхъ, совершенно неожиданно получилъ товарищеское сообщеніе о томъ, что слѣдовало показывать, чтобы выйти сухимъ изъ воды.

14 іюля Печаткинъ показалъ, что ни Лобанову, ни Баллоду „Колокола“ не давалъ; въ 1861 г. самъ купилъ нѣсколько номеровъ у букиниста и, можетъ быть, тогда и давалъ Лобанову — не помнить. О конспиративной дѣятельности Баллода ничего не знаетъ; съ Глушановскою знакомъ поверхностно, по лекціямъ въ университетѣ, куда она ходила въ числѣ другихъ женщинъ. Позже, уже въ серединѣ ноября, когда Печаткину предъявили сознаніе Владимірова (привлеченнаго по другому дѣлу) въ передачѣ Печаткину „Колокола“, онъ сознался, что дѣйствительно получилъ отъ Владимірова номеровъ восемь, но потомъ, по просьбѣ родителей, просилъ прекратить эти присылки.

28 августа предупрежденная о допросѣ Глушановская заявила, что выразила въ письмѣ не то, что было на самомъ дѣлѣ: она сама хотѣла прочесть прокламацію къ офицерамъ и для этого, зная любезность Печаткина, сочинила свою записку, но не была увѣрена, что онъ могъ исполнить ея просьбу. Она была отдана на поруки.

Арестованный студентъ Алексѣй Яковлевъ 5 іюля показалъ, что вовсе не обращался къ Баллоду съ просьбой посодѣйствовать напечатанію прокламаціи къ офицерамъ, будучи съ нимъ для этого слишкомъ мало знакомъ, равно и не получалъ отъ него никакихъ прокламацій. Черезъ мѣсяцъ онъ признался, что давалъ Баллоду „Полярную Звѣзду“ и „Колоколъ“.

Съ большимъ вниманіемъ отнеслась комиссія ко всему, касавшемуся Николая Жуковского и Мошкалова. Отсюда вниманіе и къ братьямъ перваго.

Въ числѣ взятыхъ у Николая бумагъ была, напримѣръ, такая записка его брата Василія: ...„Дядя посылаетъ тебѣ 4 № „Колокола“, одинъ „Подъ Судъ“ и одинъ номеръ „Будущности“. Если успеешь прочитать къ завтраму, то завтра получишь слѣдующіе номера съ Володей, а старые отдашь ему“. Или письмо какой-то дамы къ кн. Е. А. Долгоруковой въ Мо-

скву, въ которомъ сообщалось, что податель его, Николай Жуковскій, вполне заслуживаетъ довѣрія, и ему слѣдуетъ передать деньги, собранныя въ пользу Бакунина. Очевидно, готовился его отъѣздъ за-границу...

3 августа комиссія постановила представить государю, что Николай Жуковскій и Мошкаловъ обвиняются въ злоумышленныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, и испросить, не угодно ли будетъ повелѣть распорядиться о вызовѣ ихъ для отвѣта въ Россію, а если не явятся въ положенный срокъ, то поступить съ ними по закону. 5-го государь изъявилъ на это согласіе.

Немедленно комиссія сообщила все министерству иностранныхъ дѣлъ.

Какъ разъ къ этому времени привезли изъ Уфы двухъ братьевъ Жуковского, Владимира и Василія, и заключили въ крѣпость. Они были арестованы въ Уфѣ 26 іюля; при обыскѣ ровно ничего не найдено, кромѣ тетради, въ которой помѣщено одно длинное стихотвореніе—„Быль о чудо-звѣрѣ“. 17-го августа допросили ихъ обоихъ. Владимиръ ¹⁾ показалъ, что жилъ одно время съ Баллодомъ въ меблированныхъ комнатахъ Мазановой, а потомъ поселился съ братомъ Николаемъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ въ 1860 г. Николай у него и познакомился съ Баллодомъ. О томъ, что они занимались какою бы то ни было политической дѣятельностью, онъ не знаетъ. Считаетъ Николая сейчасъ въ Петербургѣ. Насколько поминтъ, Василій не посылалъ Николаю черезъ него герценовскихъ изданій, а что Баллодъ получалъ по почтѣ „Колоколъ“ аккуратно, это знаетъ точно. „Дядя“ въ письмѣ Василія значилъ Баллодъ: такъ его прозвали товарищи.

Василій ²⁾ категорически утверждалъ, что „съ 1860 г. сентября мѣсяца и до сентября 1861 г. Баллодъ велъ себя очень хорошо; кромѣ рѣзкихъ выраженій, касающихся правительства, ничего не было замѣтно. Съ сентября же было видно участіе

¹⁾ Учился сначала въ петербургской, а потомъ въ оренбургской гимназій, въ 1857 г. поступилъ въ казанскій университетъ, который кончилъ въ 1861 г. Въ январѣ 1862 г. уѣхалъ на мѣсто судебнаго слѣдователя въ Уфу, къ матери. Она сдавала въ аренду свои золотые прінески на Уралѣ.

²⁾ Воспитывался въ Оренбургской гимназій; окончивъ ее въ 1860 г. поѣхалъ въ петербургскій университетъ. Въ январѣ 1862 г. тоже поѣхалъ въ Уфу на службу.

въ сходкахъ, гдѣ онъ игралъ роль вожака“; сочиненія Герцена у него были всегда, и „я знаю, что онъ ихъ распространялъ“. Онъ самъ иногда бралъ у него „Колоколъ“. Гдѣ въ данное время Николай—не знаетъ.

Черезъ мѣсяцъ III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Владимиръ Жуковскій, будучи слѣдователемъ, внушалъ крестьянамъ Оренбургской губ. „вредныя понятія“. Комиссія просила министра внутреннихъ дѣлъ навести по этому поводу соотвѣтствующія справки и не оставить ее увѣдомленіемъ обо всемъ, что станетъ извѣстно.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, непосредственно прикосновенныхъ къ дѣлу о распространеніи возмутительныхъ сочиненій, комиссія въ разное время привлекала еще двухъ: учителя Викторова и писателя Н. В. Альбертини. 2 іюня 1862 года, вслѣдъ за страшными пожарами въ Петербургѣ, вдругъ загорѣлось уѣздное училище въ Лугѣ. Оказалось, что поджегъ его умышленно одинъ изъ учителей, Викторовъ, самъ потомъ сознавшійся въ преступленіи, совершенномъ въ нетрезвомъ состояніи. Начали добираться до его связей и знакомствъ и обнаружили, что онъ бывалъ иногда у Баллода, бралъ у него заграничныя изданія и вообще находился подъ его вліяніемъ. Открыто было и знакомство съ Альбертини, тоже снабжавшимъ его „герценовщиной“ и давшимъ рекомендательное письмо къ Баллоду передъ своимъ отъѣздомъ за-границу. Баллодъ отрицалъ сколько-нибудь близкое знакомство съ Викторовымъ, хотя не скрылъ, что „Колоколъ“ ему давалъ. Альбертини былъ вытребованъ изъ-за-границы, но просилъ позволить докончить курсъ лѣченія. Потомъ, ужъ въ сенатѣ, въ маѣ 1863 г., онъ категорически отвергъ указаніе на снабженіе Викторова нелегальной литературой, сказавъ, что давалъ ему „Годъ на сѣверѣ“ Максимова, а вовсе не „Полярную Звѣзду“ и т. п. Онъ былъ отпущенъ безъ всякихъ непріятностей. Викторовъ былъ затѣмъ судимъ военно-полевымъ судомъ уже собственно за поджогъ и попалъ на поселеніе въ Сибирь.

Когда такимъ образомъ были опрошены лица, указанныя самымъ ходомъ дѣла, Баллоду 11-го сентября пришлось дать комиссіи нѣкоторыя разъясненія ¹⁾. Онъ отрицалъ свое дѣя-

¹⁾ Г. Паштелевъ говоритъ, что ему документально извѣстно, что однажды Баллодъ былъ вызванъ въ слѣдственную комиссію. „Тамъ оказался только одинъ членъ Ждановъ.—„Вы, пожалуй, меня не узнаете,—началь Ждановъ:—

тельное участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г., сказавъ, что на демонстраціяхъ въ стѣнахъ университета не бывалъ, вожакомъ не держался. Съ товарищами по семинаріи совѣтовался объ устройствѣ коммуны, и эти-то собранія у него Василій Жуковскій считалъ конспиративными, предупреждая Писарева, желавшаго войти къ Баллоду, но о политикѣ не бесѣдовали.

Что касается Писарева, то послѣ допроса 11-го августа его больше не беспокоили. Было рѣшено лишь, ознакомившись съ письмами Благосвѣтлова къ Попову, сообщить III Отдѣленію, что за ними обоими необходимо учредить секретное наблюденіе и о послѣдствіяхъ его просить освѣдомить комиссію.

17 сентября она имѣла удовольствіе прочесть въ 144 № „Колокола“ слѣдующее письмо Николая Жуковского:

„Милостивые государи!

„Преслѣдуемый правительствомъ по дѣлу одной изъ петербургскихъ типографій, я бѣжалъ за-границу.

„Собраты наши—поляки—избавили меня въ Польшѣ отъ непріятностей и помогли перебраться за-границу.

„Не имѣя возможности писать прямо къ нимъ, я прибѣгаю къ посредству „Колокола“. Прошу васъ извѣстить моихъ друзей о томъ, что я въ Лондонѣ, и передать имъ мою искреннюю признательность за сочувствіе и помощь.

„Подробности моего бѣгства сообщу въ другое время, когда можно будетъ говорить о людяхъ, не подводя ихъ подъ *крѣпость* или *каторгу*, которыми доживающее свой вѣкъ императорство хочетъ патѣшиться вволю.

„Преданный вамъ Николай Жуковскій.

„8 сентября 1862 г.“

ранѣе вы всегда меня видѣли при дешѣ и ордецахъ: поговоримъ запросто о вашемъ дѣлѣ; оно очень серьезно, но я постараюсь помочь вамъ“. И съ этими словами Ждановъ вынулъ изъ кармана № „Колокола“, гдѣ самъ Жуковскій сообщалъ о своемъ побѣгѣ за-границу. — Но на меня не забудьте, — сказалъ Ждановъ, — когда ваша партія восторжествуетъ въдь я уже старъ и опасенъ для васъ быть не могу“ (336 стр.). Случай этотъ очень характеренъ для иллюстраціи того, какъ, всетаки, наверху крѣпка была въра въ возможность коренного политическаго перелома.

Тогда же комиссія была увѣдомлена министромъ внутрен-
нихъ дѣлъ, что по всеподданнѣйшему его докладу о томъ,
что „въ настоящее время представляется неудобнымъ вызы-
вать изъ-за-границы политическихъ преступниковъ, тѣмъ бо-
лѣе, что самый порядокъ вызова ни законами, ни бывшими
примѣрами не установленъ“, повелѣно вызовъ Жуковского и
Мошкалова приостановить.

26 ноября комиссія постановила просить соизволенія госу-
даря отдѣлить производство слѣдствія о Баллодѣ, Писаревѣ,
Лобановѣ, Печаткинѣ, братьяхъ Жуковскихъ и Мошкаловѣ отъ
общаго дѣла о распространеніи возмутительныхъ воззваній и
первыхъ четырехъ предать суду сената, о Владимирѣ Жуков-
скомъ выждать отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Василю
возвратить матери въ Уфу, а о Николаѣ и Мошкаловѣ произ-
вести слѣдствіе по возвращеніи ихъ изъ-за-границы, для чего
сдѣлать вызовъ.

Александръ II все утвердилъ.

X.

Сенатъ былъ освѣдомленъ объ этомъ въ послѣдній день
1862 года.

Дѣло перешло въ I отдѣленіе 5 департамента, гдѣ перво-
присутствовавшимъ былъ М. М. Карніолинъ-Пинскій, а чле-
нами въ разное время: Н. М. Карнѣевъ, А. П. Бутурлинъ,
А. В. Веневитиновъ, Б. И. Беръ, К. В. Венцель, Н. Е. Лукашъ,
М. Н. Любощинскій и гр. Д. А. Толстой.

Въ концѣ ноября генералъ-губернаторъ прислалъ въ сенатъ
такъ называемые „повальные обыски“ объ образѣ жизни и по-
веденіи Баллода, Лобанова и Печаткина, а о Писаревѣ сооб-
щилъ, что обыскъ не былъ произведенъ, потому что „во время
проживанія его здѣсь, въ домѣ иностранца Дорна, онъ велъ
себя такимъ образомъ, что о образѣ жизни этого подсудимаго
зналъ только квартирный хозяинъ его“, Поповъ, спрашивать
же его, состоящаго подъ надзоромъ, конечно, неудобно. 31-го
января Лобановъ и Печаткинъ были вынуждены изъ крѣпости
на поруки съ „приличнымъ внушеніемъ“, чтобы вели себя
вполнѣ безукоризненно.

Даже принимая во вниманіе, что, кромѣ интересующихъ

насъ подсудимыхъ, сенатъ имѣлъ дѣло еще съ семью другими, всетаки надо удивляться той медленности, съ какою велось все дѣло. Баллода впервые допросили лишь 16 и 18 апрѣля. Понявъ, что и Мошкаловъ, подобно Жуковскому, тоже эмигрировалъ, а можетъ быть, даже узнавъ и это отъ Жданова, онъ сознался, что многое приписалъ Горбановскому, не желая сразу назвать Мошкалова; послѣдній самъ написалъ прокламацію о Шедо-Ферротт.

Писарева допросили впервые 22 апрѣля. На вопросъ, ради чего онъ обратился къ милосердію государя, не ради ли желанія отдѣлаться меньшимъ наказаніемъ, онъ отвѣчалъ:

„Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что не имѣю никакого права обращаться къ милосердію Монарха; я сочту совершенно справедливымъ и безъ малѣйшаго ропота перенесу всякое наказаніе. Обращеніе мое къ милосердію Монарха было вызвано не расчетомъ на смягченіе моей участи, а желаніемъ выразить мое полное смиреніе и чистосердечное раскаяніе. Сознаніе мое было полное; въ немъ не было ни задвѣй мысли, ни утайки. Сношенія мои съ Баллодомъ начались съ того, что мы встрѣчались съ нимъ у студента Шефнера и у братьевъ Жуковскихъ. Намъ случалось кутить вмѣстѣ; мы выпили съ нимъ брудершафтъ и стали говорить другъ другу „ты“; изъ этого не вышло особенной короткости, потому что во время моего студентства я былъ на „ты“ съ 20-ю или съ 30-ю челоуѣками. Мы съ Баллодомъ почти никогда не говорили серьезно, потому что встрѣчались за карточнымъ столомъ или за бутылкою вина; занятія науками не могли насъ сблизить: онъ былъ натуралистъ, а я—филологъ; мы никогда не довѣряли другъ другу никакихъ задушевныхъ мыслей; я не знаю ни семейныхъ, ни сердечныхъ дѣлъ Баллода; между нами была только дружеская безцеремонность, безо всякаго нравственнаго сближенія. Эти отношенія не измѣнились и тогда, когда я поселился въ одномъ домѣ съ Баллодомъ, потому что другомъ моимъ былъ только Владимиръ Жуковскій. Куда ходилъ Баллодъ, съ кѣмъ онъ видѣлся, замышлялъ ли онъ что-нибудь—объ этомъ я рѣшительно ничего не зналъ и не догадывался. Одинъ разъ, когда я уже переѣхалъ на квартиру Попова, въ декабрѣ или въ концѣ ноября 1861 г., я зашелъ къ Жуковскимъ и, не заставши Владимира, хотѣлъ зайти на минуту къ Баллоду. Тогда Василій Жуковскій сказалъ

мнѣ: „не ходи,—у него какое-то интимное собраніе; онъ не любить, чтобъ къ нему входили“. Какое это было собраніе и дѣйствительно ли оно было, этого я не знаю. Василій, какъ мальчишкѣ недальняго ума и совершенно неразвитой, могъ принять за собраніе съ особымъ значеніемъ простую сходку студентовъ, ругавшихъ матрикулы. Я не сталъ его разспрашивать, потому что не люблю вывѣдывать чужіе секреты. Я высказалъ въ своихъ показаніяхъ, что предполагаю политическій характеръ этого собранія только потому, что Баллодъ теперь арестованъ за агитацію. Объяснить, почему я, очертя голову, согласился, по предложенію Баллода, написать статью, я могу только указаніемъ на весь мой характеръ. Человѣкъ благоразумный не сдѣлалъ бы этого, а я сдѣлалъ это изъ мальчишескаго ухарства. Кромѣ того, я страдалъ тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замужъ за другого; я былъ разстроенъ закрытіемъ „Русскаго Слова“. Написать статью было недолго, и я не успѣлъ одуматься, когда Баллодъ былъ уже захваченъ съ моею статьею. Ни въ моемъ предыдущемъ поведеніи, ни въ моихъ бумагахъ, ни въ книгахъ, ни въ журнальныхъ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на обдуманное намѣреніе и установившіяся политическія убѣжденія. Баллодъ предложилъ мнѣ написать рѣзкую декламацію,—я такъ и сдѣлалъ. Эти показанія вполне истинны; я готовъ подтвердить ихъ даже подъ присягою“.

Писаревъ просилъ освободить его на поруки ожидаемой въ Петербургѣ матери, но сенатъ не нашелъ возможнымъ исполнить просьбу; противъ же свиданій съ нею ничего не имѣлъ. Въ маѣ пріѣхала мать, и съ этого времени начинаются довольно частыя свиданія ея съ сыномъ. По разсказу дяди, А. Д. Данилова, Писаревъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень ограниченное, вѣрнѣе, точно провѣряемое число листовъ писчей бумаги, но не стѣсненный въ количествѣ книгъ, отрывалъ въ послѣднихъ поляхъ и на этихъ узенькихъ ленточкахъ микроскопическими буквами писалъ тѣ письма матери, Благосвѣтлову и другимъ лицамъ, которыя только частью напечатаны самимъ же дядею и Е. Соловьевымъ. Мать, приходя домой, немедленно садилась за переписываніе получаемыхъ черезъ одного изъ служащихъ въ крѣпости „шариковъ“ и въ такомъ уже видѣ посылала письма по назначенію ¹⁾.

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1893 г., I.

Со дня своего ареста въ продолженіе почти года Писаревъ мучился невозможностью писать, особенно когда въ срединѣ февраля 1863 года „Русское Слово“, отбывъ свою восьмимѣсячную пріостановку, снова стало издаваться... Въ началѣ іюня мать обратилась къ генераль-губернатору, кн. Суворову, за разрѣшеніемъ сыну заниматься литературной дѣятельностью, мотивируя свою просьбу необходимостью поддерживать гонораромъ существованіе не только самого арестанта, но и его семьи. Суворовъ запросилъ сенатъ. Послѣдній не встрѣтилъ препятствій въ удовлетвореніи ходатайства. Съ 10—12 іюня Писаревъ принялся за лихорадочное писаніе. Онъ просто засыпалъ своими статьями. Такъ, 30 іюля, Суворовъ представилъ сенату первую готовую работу—„Наша университетская наука“—и запрашивалъ, не встрѣчается ли по обстоятельствамъ дѣла препятствій къ ея напечатанію. Сенатъ препятствій не встрѣтилъ, статья была возвращена Суворову, а имъ направлена къ министру внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшему цензурой. Затѣмъ она прошла обычнымъ порядкомъ и появилась въ „Русскомъ Словѣ“.

Черезъ мѣсяцъ, 31 августа, Суворовъ прислалъ въ сенатъ „Очерки изъ исторіи труда“, а 8 октября — ихъ продолженіе и статью „Мысли о русскихъ романахъ“. Первая не встрѣтила препятствій и была затѣмъ напечатана, а относительно второй сенатъ 14 октября увѣдомилъ Суворова, что, ничего не имѣя противъ разрѣшенія ея общимъ порядкомъ, считаетъ, однако, нужнымъ сообщить, что „сочиненіе Писарева „Мысли о русскихъ романахъ“, заключающее по преимуществу разборъ романа содержащагося подъ стражею литератора Чернышевскаго, подъ заглавіемъ „Что дѣлать?“, и преисполненное похвалъ сему сочиненію съ подробнымъ развитіемъ матеріалистическихъ и социальныхъ идей, въ немъ заключающихся, по мнѣнію правительствующаго сената, въ случаѣ напечатанія его, можетъ имѣть вредное вліяніе на молодое поколѣніе, проникнутое этими идеями“. Копчался указъ очень ядовито: „впрочемъ, предметъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію цензуры“... Конечно, Суворовъ и не сталъ посылать статью дальше, а вернулъ ее Писареву. Такъ до сихъ поръ она и неизвѣстна.

27 ноябрю Суворовъ прислалъ „Историческіе эскизы“, окончаніе которыхъ дослалъ 11 января 1864 г. Статья была напечатана. 27 января присланы „Цвѣты невиннаго юмора“. 11 фев-

раля—„Мотивы русской драмы“, 4 марта—начало „Прогресса въ мірѣ животныхъ и растений“, 16 апрѣля — продолженіе, 20 іюля—окончаніе и еще два новыхъ произведенія: „Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби“ и начало „Реалистовъ“, конецъ которыхъ присланъ 8 августа. Все это было напечатано. 16 сентября была прислана статья „Картонные герои“. 21-го сенатъ предписалъ Суворову, что „по соображеніямъ статьи съ политическими производствами сената, изъ которыхъ къ одному прикосновененъ сей авторъ, правит. сенатъ не находитъ удобнымъ допустить напечатаніе статьи“. Что въ ней заключалось, о чемъ шла рѣчь — неизвѣстно. Статья была возвращена автору.

4 ноября прислана была послѣдняя статья—„Промахи незрѣлой мысли“—и вскорѣ напечатана.

8 февраля 1863 г. генеральный консулъ въ Лондонѣ, Бергъ, прислалъ Жуковскому повѣстку. На другой день онъ получилъ отвѣтъ: „На повѣстку отъ 8 февраля 1863 г. Николай Жуковский увѣдомляетъ господина ген. консула въ Лондонѣ, что онъ въ консульство являться не считаетъ нужнымъ и проситъ г. консула сообщить Жуковскому письменно тѣ причины, по которымъ онъ желаетъ видѣть его лично“. Не желая давать въ руки документовъ, которые Жуковский, слѣдуя примѣру Герцена, Огарева и другихъ эмигрантовъ, конечно, опубликовалъ бы, и точно слѣдуя мнѣнію кн. В. А. Долгорукова, признавашаго незадолго передъ тѣмъ лишнимъ писать въ подобныхъ случаяхъ, посолъ приказалъ консулу ограничиться вызовомъ Жуковского черезъ „Times“.

Вслѣдъ за напечатаніемъ и своего вызова Мошкаловъ тоже обратился къ Бергу съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему письменно увѣдомить, для чего его вызываютъ. Такимъ образомъ правительству оставалось снова черезъ „Times“ назначить срокъ, къ которому Жуковский и Мошкаловъ должны были явиться въ сенатъ. Положено было остановиться на 1 іюня старого стиля.

Разумѣется, они не явились.

25 мая 1864 года сенатъ имѣлъ послѣднее собраніе, закончившееся составленіемъ, наконецъ, опредѣленія, подписаннаго 2 іюня Карпиолинъ-Пинскимъ, Венцелемъ, Лукашомъ и Веневитиновымъ.

Привожу его, разумѣется, только въ резолютивной части,

потому что все остальное есть лишь воспроизведеніе уже извѣстнаго читателю.

XI.

„Настоящее дѣло имѣетъ предметомъ составленіе, печатаніе и распространеніе возмутительныхъ противу правительства воззваній. Подсудимые по роду обвиненія должны быть раздѣлены на три категоріи, не имѣющія между собою связи (исключая только одного Печаткина, о чемъ изложено будетъ ниже). Къ первой категоріи относятся: бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Баллодъ, кандидатъ СПб. у. литераторъ Дмитрій Писаревъ, бывшій студентъ СПб. у. Василій Лобановъ и почетный гражданинъ, бывшій вольнослушатель того же университета Евгенийъ Печаткинъ. Ко второй: студентъ Медико-Хирургической академіи Сергій Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ и студенты упомянутой академіи Помпей Мультановскій и Юлій Гюбнеръ. Наконецъ, къ третьей: бывшій студентъ Московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты СПб. у. Петръ Ткачевъ и Кемарскій и упомянутый въ I категоріи Печаткинъ“.

Ватѣмъ, послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, относящихся до каждаго изъ названныхъ лицъ, шла уже и самая резолюціонная часть опредѣленія:

„Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, правительствующій сенатъ находитъ, что изъ подсудимыхъ:

„1. Бывшій студентъ СПб. университета Баллодъ виновенъ, по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла совершенно согласному: а) въ принятіи участія въ заговоръ противу правительства и въ заведеніи тайной типографіи для напечатанія возмутительныхъ противу онаго сочиненій, б) въ печатаніи сихъ сочиненій и в) въ распространеніи ихъ посредствомъ подкидыванія. Первое изъ преступленій его составляетъ злоумышленіе противъ правительства, предусмотрѣнное въ сводѣ законовъ уголовныхъ, въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ, въ статьѣ 283. Но какъ это злоумышленіе Баллода открыто правительствомъ при самомъ началѣ его, и посему никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ онаго не произо-

шло, то, на основ. послѣдующей 284 статьи, онъ подлежитъ наказанію по 3 или 4 степени 21 ст. уложенія. Обращаясь къ выбору одной изъ сихъ двухъ степеней наказанія, сенатъ находитъ, что неискренность Баллода въ сознаніи, ибо онъ, пойманный правительствомъ на самомъ преступленіи, не будучи въ состояніи скрыть этого, тщательно утаивалъ своихъ сообщниковъ, и нераскаянность въ его преступныхъ дѣйствіяхъ, ибо и при самыхъ послѣднихъ показаніяхъ своихъ онъ, вмѣсто подробнаго и точнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ требовалъ отъ него правит. сенатъ, дозволили себѣ юридически отзываться о своемъ преступленіи, сравнивая себя съ охотникомъ, идущимъ на медвѣдя,—приводятъ сенатъ къ тому убѣжденію, что онъ долженъ подвергнуться строжайшему изъ приведенныхъ наказаній, т. е. по 3 степени 21 статьи. За напечатаніе и распространеніе посредствомъ разбрасыванія возмутительныхъ противъ правительства воззваній Баллодъ, на основ. 285 ст., подлежитъ наказанію по 5 степени 21 статьи. По совокупности преступленій, на основ. 165 ст., онъ долженъ быть подвергнутъ строжайшему изъ вышеприведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторгу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселенъ въ Сибири навсегда.

„2. Кандидатъ СІБ. унив. Писаревъ виновенъ, также по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла вполне согласному, въ составленіи возмутительной статьи, заключающей въ себѣ опроверженіе брошюры Шедо-Ферротти и неисполненной дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій и противъ правительства, и противъ священной особы самого Государя Императора. Сочиненіе это написавъ, онъ отдалъ Баллоду, который сказалъ ему, что, можетъ быть, ему удастся его напечатать. При такомъ положеніи дѣла, обращаясь къ опредѣленію свойства преступленія Писарева, сенатъ находитъ, что полныхъ требуемыхъ закономъ юридическихъ доказательствъ къ признанію Писарева виновнымъ въ составленіи сочиненія его съ цѣлью распространенія въ дѣлѣ не содержится, ибо передача имъ статьи своей Баллоду не ведетъ еще къ заключенію, чтобы онъ непременно старался распространить ее, хотя по тѣмъ же обстоятельствамъ онъ въ преступленіи семъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе. Такимъ образомъ, не будучи признаваемъ вполне изобличеннымъ въ покушеніи распространить свое

возмутительное сочиненіе, онъ положительно виновенъ въ составленіи его. Такое преступное дѣйствіе законъ называетъ приготовленіемъ и началомъ покушенія къ возбужденію бунта и подвергаетъ виновнаго въ ономъ наказанію, въ 3 ч. 285 ст. изложенному, т. е. заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. На основаніи указа 17 апрѣля 1863 года п. 7, заключеніе это должно быть сокращено на одну треть, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, оно можетъ быть уменьшено и на половину. Посему, обращаясь къ сужденію о мѣрѣ наказанія Писарева и сокращеніи онаго по указу 17 апрѣля, сенатъ находитъ, что первоначальное упорное заперательство его въ преступленіи, а потомъ неискренность и въ самомъ сознаніи, несмотря на всѣ дѣлаемые ему увѣщанія, ведутъ къ тому, что онъ долженъ понести наказаніе, ему слѣдующее, въ высшей онаго мѣрѣ, а сокращено должно быть оно на основаніи вышеприведеннаго указа сенату только на одну треть, т. е. онъ долженъ быть лишенъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и подвергнутъ заключенію въ крѣпости на 2 года и 8 мѣсяцевъ, а по предмету покушенія на распространеніе сочиненной имъ возмутительной статьи оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Писаревъ во время производства дѣла сего ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, оправдывая себя тѣмъ, что преступленіе его было плодомъ минутнаго увлеченія, и что онъ—человѣкъ впечатлительный до такой степени, что даже подвергался умопомѣшательству, отъ коего и былъ пользуетъ. Такое ходатайство Писарева сенатъ признаетъ не заслуживающимъ уваженія, потому что статья, составленная имъ и заключающая два листа весьма мелкаго письма, написанная при томъ не въ одинъ разъ, а съ значительнымъ промежуткомъ времени, доказываетъ обдуманность преступнаго его дѣйствія.

„3. Бывшій студентъ Сиб. у. Лобановъ, обвиняемый въ пособствованіи Баллоду къ постоянному полученію имъ „Колокола“, въ томъ не сознался, показавъ, что давалъ ему только нѣкоторые номера „Колокола“, простая же передача для чтенія „Колокола“ не составляетъ злоумышленнаго распространенія сего вреднаго изданія, посему, на точномъ основ. 304 ст. 2 кп. XV т., онъ долженъ быть отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освобожденъ.

„4. Бывшій вольнослушатель Сиб. у. Печаткинъ обвиняется,

вслѣдствіе показанія Лобанова, въ томъ, будто бы онъ доставлялъ Баллоду „Колоколь“ изъ-за-границы, но Печаткинъ въ семь не сознался, и самъ Баллодъ въ томъ его не оговариваетъ. Кромѣ сего, Печаткинъ обвиняется въ знаніи о преступныхъ замыслахъ студента Ольшевскаго, сочинявшаго возмутительныя воззванія. Обвиненіе это основано единственно на запискѣ, найденной у Ольшевскаго отъ Печаткина, и на предостереженіи, выраженномъ Ольшевскимъ въ письмѣ къ Кемарскому, но Печаткинъ ни въ участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ, ни даже въ знаніи о нихъ не сознался, Ольшевскимъ не оговоренъ, и другихъ доказательствъ къ обвиненію его въ дѣлѣ нѣтъ. Но при обыскѣ, произведенномъ у него, найдена возмутительная статья подъ заглавіемъ „Къ русскому народу“. Храненіе такого содержанія статьи, безъ права на то, подвергаетъ виновнаго, на основ. послѣдней части 285 ст., аресту отъ 7 дней до трехъ мѣсяцевъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на время отъ 1 года до 3 лѣтъ. Правительствующій сенатъ при первоначальномъ обсужденіи степени вины подсудимыхъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія для опредѣленія того, должны ли они быть содержимы въ крѣпости или могутъ быть освобождены изъ оной, нашелъ, что Печаткинъ можетъ быть отданъ на поруки, но предварительно освобожденія призналъ полезнымъ сдѣлать ему, въ числѣ прочихъ, внушеніе, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе и не позволялъ себѣ дѣйствій, законами воспрещенныхъ. Но несмотря на это, во время производства въ сенатѣ слѣдствія по доносу кол. рег. Кучинскаго, обнаружено, что, когда Ольшевскій былъ на излѣченіи во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, то Печаткинъ, не имѣя права посѣщать его, видѣлся съ нимъ подъ предлогомъ навѣщанія бывшаго тамъ же на излѣченіи поручика Жукова, ему вовсе незнакомаго, и приносилъ Ольшевскому деньги. Хотя въ прочихъ выведенныхъ въ доносѣ Кучинскаго поступкахъ Печаткинъ не сознался, и доказательствъ на сіе Кучинскимъ не представлено, но и посѣщеніе Ольшевскаго, котораго достигнулъ онъ чрезъ обманъ больничнаго начальства, несмотря на сдѣланное ему въ присутствіи прав. сената внушеніе, чтобы велъ себя безукоризненно, доказываетъ крайнюю его легкомысленность, за что и слѣдуетъ сдѣлать ему выговоръ (примѣч. къ ст. 62). По совокупности преступковъ его, онъ долженъ быть присужденъ къ строжайшему

изъ приведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. его слѣдуетъ подвергнуть аресту на 3 мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

„5 и 6. Бѣжавшій за-границу губ. секретарь Николай Жуковскій и находившійся тамъ, съ разрѣшенія начальства, студентъ Мошкаловъ, прикосновенные къ дѣлу студента Баллода, о коихъ, по вызовѣ ихъ изъ-за-границы, высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а въ случаѣ неявки ихъ—поступить съ ними по законамъ, будучи вызываемы правительствомъ въ Россію, не явились, а посему за такое ослушаніе, на основ. 368 ст. кн. 1 тома XV, должны быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства.

„7. Студентъ М.-Х. академіи Рымаренко ¹⁾ и 8. типографщикъ купецъ Марковъ, бывшій также нѣкоторое время студентомъ М.-Х. академіи, изобличаются: первый въ заказѣ столарю Вагнеру типографскихъ прессовъ для тайнаго печатанія и въ увозѣ съ неизвѣстными лицами одного изъ этихъ прессовъ, а Марковъ въ содѣйствіи Рымаренко по заказу означенныхъ прессовъ. По закону, пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія признается лишь приготовленіемъ къ оному (10 ст. улож. о наказ.). За приготовленіе къ совершенію преступленія виновный подвергается наказанію, смотря по тому, во-первыхъ, употребленныя имъ для сего средства были ли противозаконныя, во - вторыхъ, самое пріобрѣтеніе сихъ средствъ не было ль соединено съ опасностью для какого-либо частнаго лица, или многихъ, или всего общества. Наказаніе за одно, безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приготовленіе къ преступленію опредѣляется лишь въ особыхъ, именно означенныхъ законами случаяхъ (124 ст. улож.). Принимая засимъ на видъ, что одно пріобрѣтеніе типографскихъ прессовъ само по себѣ не составляетъ противозаконнаго дѣйствія и не соединено съ опасностью ни для частныхъ лицъ, ни для общества, и что въ нашихъ уголовныхъ законахъ не постановлено наказанія за заказъ или пріобрѣтеніе типографскихъ прессовъ, хотя бы это и было дѣлаемо съ цѣлью тай-

¹⁾ Сергій Рымаренко родился въ 1839 году, въ 1857 году поступилъ въ Харьковскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ. Среди молодежи онъ пользовался большою популярностью и много работалъ въ воскресныхъ школахъ и другихъ легальныхъ организацияхъ.

наго печатанія, правит. сенатъ находить, что Рымаренко за заказъ двухъ типографскихъ прессовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ имъ полученъ, а Марковъ за принятіе участія въ этомъ заказѣ, на точномъ основаніи 124 ст. улож., не подлежатъ никакому наказанію. Но совпаденіе времени заказа студентомъ Рымаренко типографскихъ прессовъ со временемъ распространенія въ значительномъ количествѣ разныхъ возмутительныхъ и другихъ преступныхъ сочиненій, тайно печатаемыхъ, первоначальное заpiresательство Рымаренко и Маркова, а потомъ разнорѣчивыя и извортливыя объясненія ихъ по предмету заказа прессовъ и противуправительственное направленіе Рымаренко, ясно видимое изъ найденныхъ у него при обыскѣ бумагъ, навлекають подозрѣніе на Рымаренко въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, а на Маркова, по близкому знакомству съ Рымаренко, въ знаніи сего. Сверхъ того, всѣ эти обстоятельства представляютъ достаточное основаніе къ принятію въ отношеніи Рымаренко и Маркова въ административномъ порядкѣ одной изъ мѣръ, указанной въ примѣч. къ 62 ст. улож., а именно: Рымаренко, какъ личность, представляющуюся по дѣлу весьма упорною и вреднаго образа мыслей, надлежитъ выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, а Маркова отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненія Маркова въ заказѣ вдовѣ унтеръ-офицера Андреевой пальто и шапокъ съ особыми знаками, то по сему предмету онъ, какъ совершенно неизобличенный, долженъ быть отъ суда освобожденъ.

„9. Студентъ М.-Х. академіи Мультановскій ¹⁾ обвиняется въ участіи съ Рымаренко въ заказѣ станковъ. Основаніемъ къ обвиненію сему послужило токмо то, что онъ жилъ вмѣстѣ съ Рымаренко, что Марковъ писалъ къ нему записку о платежѣ денегъ за станокъ, и что, по показанію Маркова, онъ будто бы сказывалъ ему, что первый станокъ увезелъ студентомъ Гюбнеромъ. Но Мультановскій ни въ какомъ участіи съ Рымаренко и Марковымъ въ заказѣ станковъ, ни даже въ знаніи о томъ не сознался, и самими ими, кромѣ вышеизясненнаго показанія Маркова, не оговоренъ, а посему по обвине-

¹⁾ Впослѣдствіи безызвѣстный хирургъ.

нiю этому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ, равно какъ и по обвиненiю въ заказъ Андреевой пальто и шапокъ, по непредставленiю ею никакихъ противу него доказательствъ.

„10. Сужденiе о студентѣ Гюбнерѣ должно быть отложено впредь до полученiя окончательныхъ свѣдѣнiй отъ министра иностранныхъ дѣлъ насчетъ помѣщика Черкесова, вызываемаго изъ-за-границы, отъ котораго слѣдуетъ отобрать по сему дѣлу показанiе ¹⁾).

„11. Бывшiй студентъ Москов. у. Ольшевскiй виновенъ въ сочиненiи возмутительнаго воззванiя подъ заглавiемъ „Разсказъ дяди Кузьмича“, съ намѣренiемъ напечатать и распространить его, что доказывается тѣмъ, что на самомъ сочиненiи отмѣчено его рукою „отдать въ корректуру“ и означено, сколько экземпляровъ этого сочиненiя и куда слѣдуетъ ихъ разослать. Принимая во вниманiе, что одно намѣренiе напечатать и распространить сочиненiе возмутительнаго содержания составляетъ лишь преступный умыселъ на это преступленiе, и что за подобный умыселъ въ законахъ не опредѣлено какого-либо особаго наказанiя (9 и 123 ст. улож.), правит. сенатъ находитъ, что Ольшевскiй долженъ быть подвергнутъ наказанiю лишь за сочиненiе упомянутаго возмутительнаго воззванiя, а именно на основ. 3 ч. 285 ст. улож. По этой статьѣ, виновные въ составленiи возмутительныхъ сочиненiй, но не изобличенные въ злоумышленномъ распространенiи оныхъ, подлежатъ заключенiю въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишенiемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. При несовершеннолѣтiи Ольшевскаго наказанiе это, на основ. 5 п. 152 ст. улож. по прод. 1863 г., должно быть уменьшено для него одною степенью, по отсутствию уменьшающихъ вину его обстоятельствъ, и назначено въ средней мѣрѣ по неискренности его въ сознанiи (10 п. 145 ст.) съ сокращенiемъ на одну треть, согласно примѣчанiю къ ст. 147 улож. по тому же продолженiю (высоч. указъ 17 апрѣля 1863 г.). По симъ основанiямъ Ольшевскiй подлежитъ заключенiю въ крѣпости на одинъ годъ (1 степень 39 ст. улож.), а по освобожденiи изъ крѣпости, согласно высоч. повелѣнiю, послѣдовавшему въ отношенiи его по дѣлу о происходившихъ въ Спб. университетѣ безпорядкахъ, выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ

¹⁾ Потомъ былъ оправданъ.

подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненій, взыденныхъ на него, Ольшевскаго, въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, то онъ долженъ быть по сему предмету отъ суда освобожденъ, такъ какъ доносъ сей произведеннымъ прав. сенатомъ слѣдствіемъ не подтверждается.

„12 и 13. Студенты Спб. у. Кемарскій и Ткачевъ, обвиняемые въ знаніи и участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ его, въ преступленіяхъ сихъ не сознались, Ольшевскимъ не оговорены и другихъ доказательствъ противъ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ, а потому ихъ слѣдуетъ отъ суда освободить. Но изъ нихъ Ткачевъ виновенъ въ имѣніи у себя возмутительной статьи „Что нужно народу“, полученной будто бы имъ отъ неизвѣстнаго, и недонесеніи о томъ, кому слѣдуетъ. За таковой проступокъ онъ, на основ. 285 ст. и 138 ст. 1 ч. XV т. св. закон. угол., долженъ подлежать заключенію въ крѣпости въ теченіе года съ смягченіемъ наказанія сего по несовершеннолѣтію его, на основ. 152 ст. улож. по прод. 1863 г. и высоч. указа отъ 17 апрѣля 1863 г., т. е. онъ долженъ быть заключенъ въ крѣпость на три мѣсяца; по обвиненію же ихъ вслѣдствіе доноса кол. рег. Кучинскаго, какъ доносъ сей слѣдствіемъ не подтвердился, слѣдуетъ отъ суда освободить.

„и 14. Обстоятельства дѣла, относящіяся до студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ слѣдствіемъ не подтвердившіяся, должны быть оставлены безъ послѣдствій.

„По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правит. сенатъ полагаетъ:

1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

„2. Кандидата Спб. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и Государя Императора сочиненія, лишитъ нѣкоторыхъ, особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочи-

неніе оставить въ сильномъ подозрѣніи; ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

„3. Бывшаго студента Спб. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія со студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ „Къ русскому народу“ и за исѣщеніе студента Ольшевскаго посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

„4. Бѣжавшаго за-границу губ. секр. Николая Жуковского за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

„5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, изведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить.

и 6. Бывшаго студента Спб. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время нахожденія его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ „Что нужно народу“ и за недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

„Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кв. 2 тома XV, представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

„Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: а) находившагося за-границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкатова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства; б) бывшаго студента М.-Х. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ

городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ; в) типографшика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить; г) студентовъ Лобанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить; д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикахъ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіяся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доводу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіяся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. спб. военному генералъ-губернатору“.

28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее на мнѣніе государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, государь положилъ резолюцію: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами“.

5 ноября въ 12 час. дня при открытыхъ дверяхъ въ собраніи I отдѣленія 5 департамента всѣмъ упомянутымъ въ опредѣленіи была объявлена высочайшая воля.

Письма Г. Е. Благосвѣтлова къ В. П. Попову.

I.

1857 г., июль. Лозанна.

Драгоценный и добрый мой Василій Петровичъ.

Письмо ваше, отданное на почту за-границей, я получилъ въ Лозаннѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Женеву. Сильныхъ душевныхъ потрясеній стоила мнѣ каждая строчка; несмотря на горькіе, но совершенно справедливые упреки, я читалъ его съ такимъ восторгомъ, какой рѣдко испытывается въ жизни. Понятно, ваше письмо было первымъ извѣстіемъ съ родимой земли, первымъ голосомъ друга, котораго образъ носился предо мной ежеминутно по вершинамъ Альпъ и въ долинахъ счастливой Швейцаріи. Лучшія минуты моей петербургской жизни въ послѣднее время принадлежать *тебѣ* (да освятить твое теплое сердце эту патріархальную, но искреннюю частицу)—тебѣ, благороднѣйшій мой другъ. И вотъ новое доказательство твоего самоотверженнаго ко мнѣ расположенія: не измѣняй ему, и я буду вѣрить, что звѣзда моего счастья еще не совсѣмъ потухла. Брани меня — и я буду тебя слушать, какъ послушное дитя свою кормилицу; совѣтуй мнѣ—я приму всякій твой совѣтъ съ совершенною признательностію; требуй отъ меня—я все готовъ исполнить, что не превышаетъ силъ моихъ. Торжественно утверждаю мой обѣтъ — обѣтъ чистѣйшей любви къ тебѣ и неизмѣнной дружбы.

Итакъ, письма мои читаются въ почтамтѣ ¹⁾; одинъ англичанинъ очень умно замѣтилъ, что въ б... декомъ домѣ подобныя обычаи могутъ быть допущены и то только потому, что бл... въ юридическомъ смыслѣ не имѣетъ чести и не отвѣчаетъ за нее. Не помню, насколько мои письма были откровенны; знаю только, что общее ихъ направленіе не обвиняетъ меня, даже съ точки зрѣнія шпіона. Отдѣльныя выраженія, можетъ быть, были неосторожны, но гдѣ же мѣра этой осторожности? Притомъ я писалъ ихъ подъ влияніемъ

¹⁾ Поповъ получилъ письмо Благосвѣтлова съ яснымъ слѣдомъ бывшей перлюстраціи.

новаго общества, другой умственной атмосферы, другихъ понятій. Видя вокругъ себя безграничную свободу мысли и глубокаго уваженія къ ней, трудно удержаться въ предѣлахъ полицейскаго деспотизма, трудно не сказать того, что чувствуешь. Я не боюсь за себя: пусть казнятъ въ добрый часъ: всякая новая жертва — шагъ впередъ къ расплатѣ за насъ... Но меня сильно тревожитъ одно обстоятельство, — не повредилъ ли я тебѣ своимъ бумагомараніемъ? Не думаю, впрочемъ. Но чтобы отклонить всякую тѣнь подозрѣнія, я въ каждомъ къ тебѣ письмѣ скажу что-нибудь въ пользу колпаковъ. Вѣроятно, М. М. Поповъ попробовалъ мою переписку — на здоровье ¹⁾. Будемъ называть его въ официальныхъ письмахъ г. Смородина (кисло-сладкое качество идетъ къ нему) — и когда я тебя спрошу, а что думаетъ обо мнѣ г. Смородина? Это значить, что думаетъ 3 отдѣленіе, въ лицѣ своего вожатая. Ты можешь все сообщить мнѣ, съ извѣстнымъ тактомъ, относительно г. Смородина, — а все прочее не стоитъ и слова. Лишь бы не затворили дверей въ Россію, а о крѣпости нечего заботиться: даровая квартира по приѣздѣ — это недурно. Во всякомъ случаѣ постараюсь сдерживать себя, сколько возможно больше, хоть и знаю, что этотъ постъ и молитва обходятся моимъ нервамъ очень дорого: но прими это, какъ первую жертву моей дружбы и горячаго расположенія къ тебѣ, любезный другъ. И чтобы смыть старыя пятна, посылаю тебѣ самое трезвое письмо, которое было для меня рвотнымъ, но для полиціи будетъ въцѣленіемъ... На этомъ развратномъ письмѣ будетъ стоять въ заглавіи крестъ [†], какъ символъ насильственнаго распятія моей мысли.

Да здравствуетъ статья о Гончаровѣ ²⁾; какъ бы я желалъ прочитать ее! Сократи ее въ письмѣ — и это будетъ славнымъ праздникомъ для меня. Дѣло въ томъ, что справедливый протестъ нашелъ себѣ мѣсто въ печати — и это меня радуетъ, за это спасибо „Молві“ ³⁾. Пора срывать маски съ шарлатанства, пора оставить кумовство и раболовство — и передъ кѣмъ? — передъ подлѣйшимъ цензоромъ, трусомъ, лѣнливцемъ и лицебромъ. Теперь я понимаю, что могъ написать порядочный человѣкъ, обѣхавъ полсвѣта, когда съ перемѣной каждой станціи въ головѣ мыслящаго человѣка и наблюдательнаго ума являлись тысячи новыхъ идей и бездна интересныхъ наблюденій. Память нужны не справочныя цѣны апельсинновъ и трактирныхъ обѣдовъ, а честная живая мысль, согрѣтая

¹⁾ Тотъ М. М. Поповъ, который, сначала будучи учителемъ между прочимъ и Бѣлинскаго, потомъ пошелъ по пути сыска и былъ виднымъ человѣкомъ въ III отдѣленіи съ половины 1840-хъ годовъ.

²⁾ Статья самого Попова въ № 13 „Общезанимательнаго Вѣстника“ 1857 г. Н. А. Гончаровъ считалъ возможнымъ совмѣщеніе писательской и цензурской дѣятельности и, разумѣется, сильно возмущалъ каждого, кто смотрѣлъ на литературу прежде всего, какъ на служеніе свободѣ. Благосвѣтловъ радуется, что наконецъ-то Гончарову дано было нѣсколько вполне заслуженныхъ щелчковъ.

³⁾ Здѣсь что-то непонятное. „Молва“ издавалась въ Москвѣ и ничего тогда о Гончаровѣ не говорила.

добрымъ чувствомъ. Бейте этого до конца; я не отстану отъ тебя, когда будетъ нужно говорить въ защиту правды.

Очень радъ, что В. Н. Рюминъ началъ свой журналъ ¹⁾. Но ты слишкомъ закониченъ: съ какимъ впечатлѣніемъ приняла его публика, что говорили журналы, что говорило общее мнѣніе? — Все это неизвѣстно мнѣ, а между тѣмъ каждое твое слово, каждая буква дорога мнѣ. Но о позволительныхъ вещахъ можно говорить и въ другомъ письмѣ, а теперь потолкуемъ о предметахъ, болѣе близкихъ сердцу.

Дѣло вотъ въ чемъ, Василій Петровичъ, — западная Европа страшно ненавидитъ Россію. За что? За прошлыя ея казни, за прошлое противодѣйствіе общечеловѣческому прогрессу. Повѣришь ли, иногда стыдно произносить „я русскій“: „ты рабъ“ — отвѣчаетъ на это общее мнѣніе. Съ именемъ нашего добраго настоящего государя Европа соединяетъ великолѣпныя надежды, но уже начинаютъ въ умахъ рѣзкихъ возникать сомнѣнія, и не дай Богъ, если повернется общій гелосъ назадъ. Сообщу при свиданіи, въ какомъ отношеніи мы находимся къ мыслящей Германіи, Англіи и Швейцаріи. Намъ бояться и презирають въ одно и то же время.

Какъ далеко мы отстали въ цивилизаціи отъ западно-европейскихъ народовъ — трудно измѣрить это разстояніе. Здѣсь жизнь кипитъ, рвется по всѣмъ направленіямъ. Народъ грызетъ послѣднее звено своихъ ржавыхъ цѣпей и съ каждой минутой ожидаетъ возстанія къ себѣ; масса пороку готова — нужна одна искра, чтобы все вспыхнуло. Наполеонъ качается на канатѣ, очень ненадежномъ: послѣдніе выборы были пощечиной его французскому величеству; лучшіе умы Франціи потеряли всякое довѣріе къ правительству; національная гордость, имѣвшая право на уваженіе за свое прошлое, просыпается послѣ минутнаго обольщенія — и поливинель оборвется, если только не уступитъ своей власти другимъ началамъ. Такъ думаетъ вся Европа, и лихорадочные припадки Франціи подтверждаютъ это мнѣніе.

Долго хотѣлось бы бесѣдовать съ тобою, — по два часа ночи, а я долженъ проснуться въ 6 часовъ и цѣлый день трыстись въ дилижансѣ, по дорогѣ въ Шамуни. Изъ Шамуни или по возвращеніи изъ Люерна напишу тебѣ подробное письмо.

Прощай, любезный другъ, — или лучше до свиданія.

Письмо это посылаю съ Н. Н. Аронстомъ, г. учителемъ Марининскаго Института, бывшимъ моимъ товарищемъ по ремеслу. Изъ вѣрныхъ рукъ его получиши. За благодѣяніе его совершенно ручаюсь.

В. П. Преженцову напишу особенное письмо и вложу его въ твое. Вручи его по назначенію и не лѣнься писать ко мнѣ.

Извѣстный тебѣ лозанскій житель (Г. П.).

¹⁾ „Общезанимательный Вѣстникъ“. Успѣхомъ этотъ журналъ не пользовался.

II.

1857 г., сентябрь.

Дорогой Василий Петрович.

Если я не совсѣмъ исчезъ изъ твоей памяти, то прими участіе въ настоящемъ моемъ письмѣ.

1. Завтра я ѣду въ Парижъ, черезъ Южную Францію; буду въ Лаонѣ, Байонѣ, Бордо и Орлеанѣ и потомъ въ царствѣ жандармовъ, на берегахъ Сены. Грустно разставаться съ Швейцаріей, которую я полюбилъ и которой обязанъ самымъ гостепріимнымъ приѣмомъ. Послѣдній мѣсяцъ я жилъ въ Женевѣ; послѣднюю недѣлю въ Веве, гдѣ въ прошлую зиму прекрасное юношество пѣло республиканскую серенаду подъ окномъ не русскаго генерала, а даровитѣйшаго инженера, Тотлебена. Виноградники, теплое осеннее солнце и ненаглядная природа такъ приласкали меня, что я боюсь ѣхать въ Парижъ: но дѣлать нечего! Въ немъ одномъ можно найти всевозможные источники образованія. Итакъ, съ 18-го сентября пиши ко мнѣ въ Парижъ.

Пиши!— Это слово показалось мнѣ очень наивнымъ послѣ безчисленныхъ моихъ просьбъ и одного, только одного письма, полученнаго мной отъ моихъ *незабвенныхъ* пріятелей. Ко мнѣ пишутъ нѣкоторые изъ учениковъ, я съ удовольствіемъ читаю письма даже отъ петербургскихъ дамъ, но ни одного звука изъ того кружка, съ которымъ я соединенъ нѣкоторыми нравственными отношеніями. Какъ ясно виденъ въ этомъ русскій человекъ! Впрочемъ, извините, недавно я получилъ очень забавное письмо, подписанное буквами: К. С. Письмо писано послѣ обѣда, я, признаюсь, оно диктовано тупымъ желудкомъ, въ которомъ квасъ и каша еще не успѣли химически соединиться; изъ этого же письма я вижу, что авторъ его „поэтъ“,—поэтъ послѣ обѣда и прозаикъ натошакъ, — возлюбленное чадо Аполлона, застегнутое на всѣ крючки гвардейскаго мундира. Эти зашнурованные поэты ярко рисуются мнѣ издали... Въ четыре мѣсяца заграничной моей жизни ничто меня такъ глубоко не оскорбило, какъ это поэтическое письмо. Почему эта прекрасная маска не хотѣла подписать своего имени?—Понятно. Она пишетъ либералу; но подумала ли она, по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ этой неумѣстной осторожности есть грубая лакейская выходка: мы чванимся какими-то свѣтскими приличіями, тонкимъ обхожденіемъ съ людьми, и не знаемъ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній. О, поборники русской мысли, люди прогресса, — у нихъ достаеи смѣлости только на громкіе звуки, на величавую проповѣдь въ кулакъ, а гдѣ коснется дѣло сказать правду открыто, стать за себя,—они готовы бросить всѣ свои убѣжденія за лишнюю звѣздочку на эполетѣ; да простить ему Богъ его воспитаніе по силѣ стараго прусскаго военнаго устава! К. С. просить меня или, лучше,

намекаетъ, чтобы я извѣстилъ его отвѣтомъ на его письмо; пусть подойдетъ къ моему костру, на которомъ жгутъ либераловъ, съ горячими клещами, и тогда не дождется отъ меня ни одного слова, развѣ съ ума сойду.

И какъ пріятно подумать объ отечествѣ, въ которомъ ожидаетъ презрѣніе, насмѣшка и, можетъ быть, шпіонскій доносъ. И за что? За то, что я сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Я обрекъ себя на все лишенія ради того, чтобы ѣхать за-границу, собрать что-нибудь годное и привезти его тому же отечеству. И кто смѣетъ заподозрить меня въ томъ буйномъ либерализмѣ, который выдумалъ Дубельтъ¹⁾ и подарилъ его Россіи... Я либераль, говорю это съ гордостію, но либераль въ томъ смыслѣ, въ какомъ долженъ быть всякій мыслящій человѣкъ. Какъ будетъ толковать мои мысли и чувства глухой шпіонтъ — до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Не написалъ бы я этого, еслибъ не чувствовалъ гнетущей тоски при взглядѣ на русскаго поэта и литератора.

Извѣсти и другихъ: кто боится писать либералу, — пусть передастъ какъ-нибудь свое имя; я нигдѣ даже не упомяну его въ своихъ письмахъ и тѣмъ спасу его отъ мнимыхъ гоненій и угроженій совѣсти. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы храбры на то только, чтобы набуянить на улицѣ или въ трактирѣ?

Если и ты, любезный другъ, боишься вести хлѣбъ-соль съ отчаяннымъ либераломъ, — уничтожь посвященіе, которое я поставилъ въ заглавіи своихъ писемъ, и поставилъ отъ души. Я хотѣлъ видѣть твое имя, слишкомъ близкое моему сердцу, впереди тѣхъ строкъ, которыми обязанъ тебѣ. Это — начало того ряда писемъ, которыя я намѣренъ вести о заграничномъ путешествіи. Я обѣщаль первую работу В. Н. Рюмину — исполню слово. Отдай „Часы моего досуга“²⁾ въ его журналъ, если онъ не отвергнетъ моихъ листовъ. Я желалъ бы напечатать поскорѣй, чтобы прислушаться къ мнѣнію другихъ. Если недурно — стану продолжать. Во всякомъ случаѣ, второе письмо, болѣе интересное и почти готовое, я пришлю не раньше, когда услышу твое мнѣніе и судъ читателей. Если же Рюминъ не напечатаетъ, отдай (Старчевскому³⁾) и возьми деньги впередъ. Пожалуйста, наблюдай за корректурой и, если цензоръ исказитъ отдѣльныя выраженія, исправь ихъ.

Все идетъ прекрасно: работается съ усиліемъ, здоровье въ общемъ составѣ поправилось; но зрѣніе гаснетъ: при двухъ свѣчахъ едва читаю. Рукописи подрываютъ глаза. О Лагарифъ ты писалъ, — но то Лагарифъ другой, — Франсуа, а я спрашивалъ тебя о Фредерикѣ Цезарѣ, воспитателѣ Императора Александра I. Но дѣло рѣшено; его переписки ни на одномъ языкѣ не существуетъ; она отчасти хранится въ Лозанской бібліотекѣ, отчасти въ государ-

¹⁾ Отставленный передъ этимъ незадолго управляющій III Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи съ 1839 по 1856 годъ.

²⁾ Напечатанъ въ „Общезаинимательномъ Вѣстникѣ“.

³⁾ А. В. Старчевскій, издатель „Сила Отечества“

ственномъ архивѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы сообщить ее р. публикѣ; не знаю, успѣю ли въ этомъ. Для историка Александра это драгоценная вещь.

Завтра посылаю статью въ женеvскій журналъ на фр. языкѣ: одинъ критикъ задѣлъ нашего Пушкина; я отвѣчаю ему, доказывая 1) то, что онъ ни бельмеса не смыслить въ р. литературѣ, 2) не знаетъ и азбуки р. языка, 3) пишу, что всѣ жевевскіе поэты не стоятъ и сапога Пушкина. Здѣсь иное царство: можно обличать все,—все, что ложь и мерзость. Редакторъ самъ просилъ статью, слѣдовательно напечатаетъ. Жалѣю одно, что журналъ не имѣетъ европейскаго авторитета.

Пиши Христа ради скорѣй. На адресъ вездѣ съ этой минуты ставь полное имя *Vlahoswetloff*; въ Парижѣ предъявляется паспортъ и слѣдитъ полиція за всѣми иностранцами. Въ Швейцаріи я не вынулъ ни одного раза своего ярыка.

Поклонись, кто помнитъ.

2. P. S. Да скажи слово и о томъ, что мои деньги за статью „Карамзинъ“. Неужели обманутъ? А что мои бѣдныя статьи въ „Общезанім. Вѣстникъ“?

Искренно любящій тебя *Благосвѣтловъ*.

P. S. Я намѣренъ написать письмо генеральшѣ Лазаревой, которая просила меня извѣстить ее, когда я ворочусь домой. Я забылъ ея имя: сдѣлай милость, пошли человека узнать, какъ ее зовутъ. Она живетъ на углу ¹⁾ улицы и Вознесен. пер., въ домѣ *Зейферта*. Да извѣсти меня, согласишься ли ты давать уроки ея дочери: славная дѣвушка. Если да,—я буду писать Лазаревой объ этомъ,—она ждетъ моего совѣта.

А что твои дѣла въ Нижнемъ-Новгородѣ? Пиши о нихъ.

III.

1858 г., 15 января. Парижъ.

Любезный другъ, Василій Петровичъ, кажется, я поздравлялъ тебя съ новымъ годомъ, да еще вдвоемъ ²⁾. Желаю же тебѣ совершеннаго успѣха въ твоихъ любовныхъ похожденияхъ, въ литературныхъ трудахъ и чинахъ. Особенно желаю исправленія въ упорно осторожномъ характерѣ и слишкомъ набожномъ поведеніи относительно твоихъ друзей.

До насъ доходятъ страшные слухи о Васѣ. 1-хъ, будто Вы освободили крестьянъ, на что очень сердятся въ Парижѣ помѣщики, разумно думающіе, что послѣ уничтоженія кабалы имъ нельзя будетъ мотать даровыя деньги въ парижскихъ кафѣ и въ собраніяхъ

¹⁾ Название не разобрано.

²⁾ Поповъ вскорѣ женился.

доретокъ. Нѣкоторые такъ обижаются, что, сломя голову, поѣхали къ святымъ мѣстамъ умолять Спасителя о спасеніи ихъ крѣпостныхъ душъ. 2-хъ, будто бы Вы уничтожили чины. На это особенно негодуютъ гвардейскіе офицеры и лакеи, думавшіе получить со временемъ коллежскаго регистратора. Вообще Вы поступаете очень смѣло, впередъ идете, а ты, не обращая вниманія на окружающій тебя прогрессъ, продолжаешь прятаться въ своихъ пьсахъ за перегорождой старыхъ убѣжденій. Не перестану я браниться съ тобой (какъ мнѣ это ни тяжело) до тѣхъ поръ, пока ты не распустишь своей дѣвственной скромности ¹⁾.

Что Вы особенно дурно дѣлаете, это то, что посылаете офицеровъ за-границу. Они совершенно испортили нашу репутацію, такъ что скоро не будутъ пускать насъ ни въ одинъ порядочный домъ, ни въ одно учебное и ученое заведеніе. Одни изъ нихъ подкупаютъ нинихъ поляковъ, чтобы узнать какой-нибудь секретъ и, сообщивъ его въ Петербургъ, выслужиться; другіе добиваются чести представиться Наполеону III, какъ будто выше этой чести ничего лучшаго нѣтъ на землѣ; одинъ изъ нихъ сидитъ въ Клини за долги: одного попросили убираться къ чорту изъ Парижа за неприличное поведеніе даже съ полиціей. Скажи ты, пожалуйста, гвардейскимъ и негвардейскимъ офицерамъ, что прежде надобно чему-нибудь научиться, а потомъ уже за границу ѣхать. Хуже насъ, русскихъ, никто не путешествуетъ, глубѣ насъ никто не живетъ въ Парижѣ. Съ однимъ мы горды, какъ помѣщики, съ другимъ до гадости *полнозвонны*, какъ лакеи, и всѣ съ наклонностью сподлѣть. Въ Парижѣ говорятъ о насъ такъ: Россія такъ отстала въ образованіи, что правительство принуждено посылать своихъ чиновниковъ, для изольдованія, какъ строятся помойныя ямы. И это дѣйствительно. Въ одномъ со мной отелѣ живетъ русскій инженеръ Шуберскій, посланный Чевкинымъ ²⁾ единственно для того, чтобы посмотреть, какъ дѣлаются паровые котлы у локомотивовъ. Этотъ малый, воспитанникъ Клейнмихеля ³⁾, часто приходитъ ко мнѣ съ вопросами: „что значитъ логика? Скажите, пожалуйста, какая наука учить правильно и красиво писать?“

Я не преувеличиваю ни на одну іоту глубокаго невѣжества этого дѣтны, получившаго 8.000 тысячъ франковъ казенныхъ денегъ для годичнаго путешествія. Однажды онъ приносилъ мнѣ поправить рапортъ, написанный имъ министру Чевкину: на 18 строчкахъ — 28 грамматическихъ ошибокъ. Но многіе гораздо глубѣ и этого господина. Что же Парижъ долженъ думать о насъ? Я не говорилъ бы объ этомъ, еслибъ не зналъ, что ты—великій патриотъ.

14 января въ 8 часовъ вечера Парижъ, богомерзкій и проклятый

¹⁾ Поповъ очень былъ остороженъ въ перепискѣ съ Благосвѣтловымъ. Последний часто на это негодуетъ.

²⁾ К. В. Чевкинъ, министръ путей сообщенія.

³⁾ Предшественникъ Чевкина, извѣстный своими „добродѣтелями“ и изувѣрствомъ.

городъ, вздумалъ охотиться бомбами по Наполеону III и его худенькой супругѣ. Въ театрѣ представляли „Вильгельма Теля“, оперу, написанную вовсе не для императоровъ. Наполеонъ отправился слушать Теля; едва его карета въѣхала въ улицу Пельтье, какъ вдругъ изъ огромной толпы народа, всегда сопровождающей своего царя, выбѣжалъ худенькій, низенькій человекъ и, крича: „Vive l'Empereur!“ замахалъ бѣлымъ платкомъ. Это былъ богомерзкій и, выражаясь слогомъ парижскаго архіепископа Марло, распроклятый сигналъ. По этому сигналу изъ той же толпы полетѣли три бомбы, цѣлндрическаго устройства, начиненныя порохомъ и гремучей ртутью (одна бомба упала въ клоакъ и не лопнула). Взрывъ страшный, озарившій весь Итальянскій бульваръ пожаромъ. Карета Наполеона III разлетѣлась въ дребезги; двѣ лошади были убиты; кто попалъ подъ пули, или упалъ за смертью, или былъ раненъ. Помазанникъ же божій успѣлъ выскочить изъ кареты съ женой, и только получилъ легкую царапину на носу. Одинъ изъ заговорщиковъ, видя, что ударъ не удался, бросился за императоромъ съ ножомъ, и въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ поразить его въ затылокъ (Наполеонъ III постоянно носитъ стальную кольчугу), полиц. солдатъ хватаетъ его за руку. Объ этомъ умалчиваютъ журналы, но Парижъ все знаетъ. Блѣдный, испуганный племянникъ великаго героя вошелъ въ театръ и прослушалъ оперу до конца. 400 человекъ арестовано; судъ въ Тюильери; пойду на мѣсто казни. Въ декабрѣ было другое покушеніе. Непріятное положеніе Наполеона: онъ находится хуже, чѣмъ въ осадномъ положеніи. На другой день я ходилъ на мѣсто этого ужаснаго происшествія — погромъ необыкновенный. Всѣ окна въ нижнихъ этажахъ выбиты, стѣны исцарапаны пулями. Болѣе 100 человекъ ранено; 12 убито. Я хожу по самой горячей почвѣ; не нынче, такъ завтра явятся баррикады; но сами французы боятся будущей революціи, хотя и убѣждены въ неизбежной ея необходимости. Мишно справедливо замѣтилъ: „мы носомъ чувствуемъ, что есть какой-то заговоръ и, вѣроятно, въ войскѣ“.

Послалъ я тебѣ книгъ черезъ Дюфюра ¹⁾, путемъ секретнымъ, но совершенно безопаснымъ.

Отъ г. Гейгенбаха ²⁾ можешь узнать объ этихъ книгахъ. Чтобы не смѣшать ихъ съ чужими, на моихъ книгахъ стоитъ буква V. Посланы — 6 № „Колокола“ ³⁾, 3 части „Полярной Звѣзды“ ³⁾, 4 кп. „Голосовъ изъ Россіи“ ³⁾, 1 кп. „Съ того берега“ ⁴⁾, 1 кп. „Тюрьма и ссылка“ ⁴⁾, 1 кп. „Крещеная собственность“ ⁴⁾, 1 кп. Стих. Рылѣева, 1 кп. Лермонтова („Демонъ“), 1 кп. „Войнаровский“ ⁴⁾, 1 кп. „L'avenir de la Russie“ ⁵⁾, 1 кп. „La Cour de la Russie“ и еще

¹⁾ Книгопродавецъ.

²⁾ Знакомый Благосильнова.

³⁾ Издавія Герцена въ Лондонѣ.

⁴⁾ Сочиненія Герцена.

⁵⁾ Сочиненіе эмигранта кн. П. В. Долгорукова.

двѣ французскія книги Таландые и Кантильома. NB. Еще забылъ назвать одну книжку „Les femmes de la revolution, par Michelet“. Читай, давай другимъ, но не теряй эти книги. Онѣ дороги во всѣхъ отношеніяхъ. Этимъ же путемъ я буду и впредь посылать запрещенныя книги. Передъ отъѣздомъ изъ Франціи перешлю незапрещенныя моремъ. Пожалуйста, береги книги и отвѣчай мнѣ, сколько получено, отмѣчая цифрой ихъ счетъ.

Если у тебя отъ Катерины Николаевны ¹⁾ останутся лишніе деньги, посылай ихъ мнѣ; я сумѣю купить тебѣ порядочныхъ книгъ: это и дешевле, и лучше.

Холодно въ Парижѣ, т. е. въ Парижѣ очень тепло, но для насъ—русскихъ—холодно, потому что нѣтъ печей. Надобно постоянно грѣться у камина. Впрочемъ, зима очень мягкая. Работы мои идутъ хорошо: въ послѣднее время усталъ—и кутнулъ въ двухъ маскарадахъ. Парижскіе маскарады—это бѣшеная веселость, упоеніе канканомъ и всевозможными глупостями. Но все прилично; нѣтъ ни пьяныхъ, ни буяновъ.

Моя Мими ¹⁾ тебѣ кланяется попрежнему и постоянно спрашиваетъ: „as tu reçu la lettre de M. Popoff?“ На что я отвѣчаю: „Il est bien méchant et toujours capable de m'oublier“.

Ну прощай, любезный другъ; не забывай меня своей *теплой и благодарзвучно откровенной сплочкой*.

Г. Рюмину я посылаю съ г. Гейгенба статью для печати. Теперь работаю надъ составленіемъ лекцій о Пушкинѣ въ Парижѣ. А что если мои работы будутъ немножко понебрежнѣй, — станутъ ли ихъ печатать? Скажи откровенно; хотѣлось бы собрать побольше времени и побольше денегъ. Вокругъ меня все богачи, съ казенными деньгами. Я спасибо сказалъ бы своей судьбѣ, еслибъ могъ заработать 5.000 франковъ въ годъ. Съ этимъ можно жить въ Парижѣ. Поклонись направо моему и не сердись на меня.

Благ.

Петру Михайловичу ²⁾ кланяйся въ поясъ, ниже, и скажи, чтобы онъ не беспокоился писать ко мнѣ, если нѣтъ времени или не хочется.

IV.

Парижъ. 1858. 18 января.

Храбрѣйшій и самолюбивѣйшій мой капитанъ,
Василій Петровичъ.

Сейчасъ получилъ твоего опрятнаго, хорошо отпечатаннаго „Корсара“ ³⁾. Бравый авторъ, славный „Корсаръ“! За одно я сер-

¹⁾ Незнакомство, о комъ рѣчь.

²⁾ Незнакомство кю.

³⁾ „Корсаръ“—трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Попова.

жусь на этого морского разбойника, именно за то, что онъ разорилъ меня на цѣлые 10 франковъ, которые я заплатилъ за его путешествіе въ Парижъ. На первый разъ прощаю ему и очень радуюсь его смѣлому явленію въ печати. Чтеніе откладываю до болѣе досужной минуты.

Письмо твое (подъ № 1) согрѣло и утѣшило. Благодарю искренно. Я созданъ такъ, что безъ симпатическаго слова душа моя устаетъ, безъ дружески благородной руки я слабѣю. Не моя вина, что не могу довольствоваться одной обыденной, пошлой дѣйствительностью. Есть инстинкты выше нашихъ расчетовъ, воли и силъ—они ведутъ своимъ тайнымъ путемъ за черту той жизни, которую такъ строго указываетъ горькая необходимость. За всѣмъ тѣмъ, напрасно ты обвиняешь меня въ увлеченіи идеальнымъ, поэтическимъ царствомъ. Я желалъ бы жить въ этомъ мірѣ какъ можно чаще. Все равно, какъ ни обманывать себя, лишь бы обманывать безъ тяжкихъ разочарованій, безъ сердечныхъ потрясеній и проклятій. Если я спокоенъ, доволенъ,—однимъ словомъ, счастливъ хотя двѣ минуты въ сутки—я благословляю этотъ день, и онъ стоитъ благословенія для каждаго изъ насъ. Но мѣра счастья слишкомъ различна... Одного удовлетворяетъ вполне крестъ съ алой лентой, какъ собачій ошейникъ; другой восторгается приобрѣтеніемъ новой тысячи рублей, украденной изъ кармана ближняго; третій... Я немножко строгъ, взыскателенъ къ своему самодовольствію—и вотъ въ этомъ заключается весь мой разладъ съ окружающимъ міромъ, источникъ горячихъ слезъ, которыя текутъ въ душѣ безмолвно... Но довольно элегичъ; ты слишкомъ черствъ, чтобы понимать ее...

Я удивляюсь, почему не получено мое 3-е письмо (о Швейцаріи)? Оно послано въ первыхъ числахъ декабря. Я боюсь, чтобы оно не пропало; черновые листы, къ сожалѣнію, уничтожены; придется составлять его почти вновь¹⁾. Сдѣлай милость, упомяни объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ и попроси В. Н. Рюмина справиться въ почтамтѣ, въ р.²⁾ подлѣйшемъ почтамтѣ. Только двѣ почты воровскія, мерзкія, отвратительно-безнравственныя и существуютъ въ мірѣ — берлинская и р—кая³⁾. Впрочемъ, ты напрасно думаешь, что твои письма читаются. Миѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника—положительно запрещено раскрывать частную переписку. Не мѣшаетъ, однако-жъ, во всякомъ случаѣ быть *благоразумно-осторожнымъ*.

В. Н. Рюминъ вѣжливо, не говоря, великодушно, распорядился, приславъ миѣ 736 франковъ; спасибо ему глубокое. Разумѣется, заплачу статями и, не умѣя работать напаромылжку, падѣюсь заплатить сторичею. Только я не знаю, сколько изъ этихъ денегъ я остаюсь ему долженъ; сосчитай это и увѣдомъ,—только, пожалуйста, не въ убытокъ миѣ. Относительно присылки біографіи В. и „Общ. В.“

¹⁾ Третье письмо и напечатано не было. Первые два вошли въ собраніе сочиненій Благосвѣтлова подъ заглавіемъ „Изъ путешествія по Швейцаріи“ и посвящены Попову.

²⁾ Конечно—россійскомъ.

³⁾ Россійская.

не безпокойся; я не думалъ, чтобы фр. почта была такъ дорога. Ты поступилъ по-гусарски, приславъ „Корсара“ въ Парижъ. Я тебя знаю и долженъ знать не по печати: „если мы будемъ судить другъ о другѣ по статьямъ,—писалъ Дидро Гримму,—то едва ли и въ 1000 лѣтъ узнаемъ другъ друга“. Помни это. Твоего „Корсара“ я крестилъ прямо изъ колыбели; напрасно ты вписалъ вымаранныя цензуромъ строчки—я помнилъ ихъ хорошо,—вотъ тебѣ лучший complimentъ, какъ я люблю тебя и какъ близко принимаю къ сердцу, что производить твоя головушка. Пиши больше, только не смѣши издавать скоро — давай созрѣть и устояться въ ящикѣ. Увѣдомъ, какъ принять „Корсаръ“ публикой и критикой. Своего мнѣнія я не высказываю, потому что очень слабъ и пристрастенъ къ тебѣ. Притомъ я няичилъ его, когда онъ только-что вышелъ изъ твоего мозга. Теряя меньше времени по маскарадамъ и вечерамъ: у насъ все это такъ пошло, ничтожно, натянуто, что не стоитъ ни одной минуты въ жизни, какъ бы она пуста ни была. Хорошо бы ты сдѣлалъ, еслибъ написалъ ѣдкую статью на р. ¹⁾ дураковъ, особенно богатыхъ дураковъ, которые шатаются по З. Европѣ. Ихъ надобно осмѣять и оплевать. Результатъ скверный, повѣрь мнѣ. Разумѣется, многимъ это путешествіе принесетъ огромную пользу, но это единицы, а общая сумма—толпа праздныхъ мерзавцевъ, развратныхъ, равнодушныхъ къ образованію и клеветниковъ всякой доброй мѣры нашего правительства. Брошюра за брошюрой появляется въ Парижѣ—одна глупѣе другой, одна подлѣе другой—и все нашего, доморощенного произведенія, „смѣсь франц. съ нижегородскимъ“.

Относительно каюеды въ парижскомъ университетѣ я думаю и глубоко, и печально. Мѣсто великолѣпное, но достиженіе его трудно. Въ Парижѣ начинать развиваться кумовство и вѣчно царствуетъ интрига. (Сходцо²⁾) не удержится на своемъ мѣстѣ; его прогонятъ. Но чтобы замѣнить его, надобно быть немощно подлецомъ передъ фр. академіей. Во всякомъ случаѣ думаю объ этомъ и попробую. Напрасно ты говорилъ объ этомъ М. Попову. Пожалуйста, не читай моихъ писемъ никому и не сообщай ничего о моихъ предпріятіяхъ. Я пишу тебѣ,—и тебѣ одному. Лекція у Миннэ о Пушкинѣ не состоялась, по случаю его болѣзни; вѣроятно, это устроится въ февралѣ. Я познакомился съ Тэномъ, авторомъ (*La philosophie de XIX s.*)—прекрасный молодой человекъ, живой, умный и трудолюбивый. Онъ любитъ меня и навѣщаетъ мою бѣдную келью. Вообрази, я живу пятую недѣлю совершенно въ собачьей конурѣ. Переѣзжалъ въ *Hôtel de Rollin*, я взялъ себѣ большую и просторную комнату, — и меня обманули. Отель полна; нанятая мной комната изята женщиной, родившей дочь; я изъ вѣжливости уступилъ, взялъ себѣ студенческую конуру, въ ожиданіи лучшаго помѣщенія — и до сихъ поръ не могу дожидаться. Впрочемъ, останусь здѣсь: все близко и подъ рукой. *Шичковъ*³⁾ уѣзжаетъ изъ Парижа, и я перебир. въ его комнату. Это славный, рѣдкій р. офицеръ, хоть и есть лигатура.

¹⁾ Россійскихъ.

²⁾ Неизвѣстно кто.

³⁾ Тоже.

Съ русскими не сближаюсь, а съ кѣмъ сближился, стараюсь бросить. Мерзость—люди. Бываю, впрочемъ, у Комарова, который пишетъ фелъетонъ въ „Ог. Зап.“. Вручъ необыкновенный, но добрый человѣкъ. Жена его—прекрасная дама. Недавно познакомился съ Манъ-Магу, бывшимъ другомъ Введенскаго ¹⁾: мы сосѣди и потому видимся часто.

Относительно Старчевскаго ты лицемѣришь, не желая вредить своему приѣмшишу—„Общ. В.“. Не можетъ быть, чтобы онъ не платилъ хорошихъ денегъ за достойную статью. Съ московскими профессорами я разошелся: одинъ связался съ дѣвкой, взятой имъ изъ-подъ лакея, другой—Лохвицкій ²⁾—совершенный и..... ну ихъ къ чорту и съ ихъ протекціей передъ „Р. Вѣстникомъ“. Когда приготавливаю рукопись, увѣдомлю тебя, какъ надобно поступать. Денегъ у Ростовцева не стану просить, потому что не знаю о послѣднихъ отзывкахъ о моемъ руководствѣ; притомъ Іак. Ів. п..... гнусный, способный возмутить мало-мальски живую душу. Исторія Баснетова попала подъ „Колоколъ“; но это еще цѣтики,—плоды привезу въ Лондонъ ³⁾...

Съ Поповымъ ведемъ хлѣбъ-соль ⁴⁾. Прощай.

НВ. Книгъ моихъ не переплетай до моего приѣзда; въ деньгахъ нуждаюсь: чѣмъ дальше живу, тѣмъ больше тратится въ Парижѣ. У французовъ безъ вишняго лоска—пропаль. Дай Богъ силъ зарабатывать кой-что. До мая денегъ моихъ достанетъ; далѣе надѣюсь на правую руку и голову; съ Вязинымъ ⁵⁾ не церемонься: это простой и добрый человѣкъ. Деньги (35 р.) вышли послѣ, съ другими, что заработаю и когда поднимется курсъ. Теперь теряю я слишкомъ много.

Мими моей я передалъ твой холодный поклонъ и прибавилъ, что ты поцѣловать ее не хочешь: она отвѣчала: „Est-t-il marié?—Non.—Mais il a quelque chose d'ours comme lui-meme dans les moments d'indisposition.—C'est juste.—Dis lui, que je suis bien mécontent de bon ami“.

Дѣвушка умная, денегъ не проситъ, времени не отнимаетъ. О Мими никому—ни гу-гу. Изъ русскихъ никто ее не знаетъ; она мой первый и самый важный секретъ.

Въ карты играй меньше или вовсе не играй, если проигрываешь. Думай, дѣйствуй, пиши и меня люби.

Биографію В. надо бы взять изъ книжныхъ лавокъ: мы, кажется, оскрамлились ея изданіемъ. Обдѣлай это поумнѣй, если не расходится. Вѣдь это первый ярлыкъ моего имени.

Передай комплиментъ В. Н. Рюмину за прекрасную бумагу и

¹⁾ Ир. Ів. Введенскій—учитель Благосвѣтлова, очень видный педагогъ.

²⁾ А. В. Лохвицкій исключенъ былъ изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ постановленіемъ московскаго совѣта; потомъ власти отмѣнили эту мѣру.

³⁾ Въ „Колоколѣ“ очень рѣзко была освѣщена исторія съ извѣстнымъ педагогомъ Баснетовымъ. Можно предполагать, что ее сообщилъ Герцену Благосвѣтловъ.

⁴⁾ Съ М. М. Поповымъ. Поддерживать съ нимъ знакомство слѣдовало по мнѣнію Благосвѣтлова, чтобы быть въ курсѣ дѣла.

⁵⁾ Неизвѣстно кто.

печатать его журнала. Желаю ему счастья, а тебѣ — умнаго редакторства. Веди дѣло умнѣй и осторожнѣй.

V.

1858 г., августъ.

..... Въ Лондонѣ я надѣюсь купить, вмѣстѣ съ твоими книгами, до 120 сочиненій, которыя имѣю уже въ виду. Ихъ перешлю въ октябрѣ. Но какъ много хорошихъ, капитальныхъ трудовъ, которые могли бы украсить любую библіотеку! Поэтому-то я и прошу тебя позаботиться о сборѣ денегъ и выпискѣ этихъ книгъ: у кого бы онѣ ни были, но если онѣ въ Петербургѣ, я безъ слезъ уѣду изъ Лондона.

Случевскій былъ у меня въ Парижѣ; я послалъ съ нимъ Шекспира, въ новомъ Ментеевскомъ изданіи: оно лучшее изъ современныхъ. Прими эту книгу на память старыхъ дней.

Портретъ свой, пожалуй, охотно вышлю изъ Лондона; но вотъ условія: 1) пришли мнѣ немедленно портретъ Джени¹⁾; я хочу ее видѣть, страстно хочу видѣть; 2) позволь написать ей письмо (разумѣется, съ ея позволенія и когда получу ея портретъ).

Жалѣю, что я не буду у тебя на свадьбѣ; но желаю тебѣ полнаго счастья. Уважай и люби отца; онъ старикъ добрый; о перевоспитаніи его поздно думать, но надо умѣть ладить съ нимъ. Онъ мнѣ жаловался на тебя, какъ на самаго негоднаго господина: я скажу это Джени.

Искренне поздравляю тебя съ обрученіемъ. Пусть первое кольцо на твоей рукѣ будетъ первымъ и послѣднимъ символомъ твоей чистой, святой и благородной любви къ умной дѣвушкѣ. Поздравилъ бы я съ крестомъ, еслибъ не видѣлъ въ немъ дурнаго признака будущаго Попова. Въ Лондонѣ мальчишки бросаютъ грязью въ васъ — великолѣпныхъ кавалеровъ.... Но ты въ Петербургѣ, и потому носи свое отличіе на здоровье.

Съ завтрашняго дня я занимаюсь въ British Museum; сегодня у меня былъ мистеръ Поповъ, р. попъ въ Лондонѣ, — совершенный англичанинъ; вчера былъ Стрѣчъ, котораго я училъ по-русски въ Петербургѣ — онъ былъ при посольствѣ. Былъ я и у лондонскаго патріарха; онъ кланяется веѣмъ вамъ²⁾...

Я здоровъ; Парижъ оставилъ съ удовольствіемъ, — впрочемъ, придется еще разъ завернуть въ него. Адреса моего не пишу, потому что я скоро переѣду на частную квартиру или уѣду въ Оксфордъ. Письма *poste restante* до моего втораго увѣдомленія. За-границей я остаюсь до ноября, если только не до крестинъ твоего сына.

Въ Лондонѣ жить очень хорошо, немного дороже, чѣмъ въ

¹⁾ Невѣста Попова.

²⁾ Разумѣется, рѣчь идетъ о Герценѣ.

Парижѣ, но въ тысячу разъ удобнѣй и честнѣй. Искренно благодарю за высылку 700 франковъ.

Р. С. Я Кушелеву предложилъ, и онъ принялъ статью: „Исторія Сорбоны или Париж. университета“. 500 фр. я получилъ за статью; еще 100 фр. придется получить 1).

VI.

1859 г. янв.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ сообщить тебѣ двѣ очень нужныя вещи:

1. Относительно Дюфура. Сдѣлай милость, повидайся съ нимъ и переговоры о книгахъ. Въ этомъ дѣлѣ ничего нѣтъ запрещеннаго. Ты, вѣрно, найдешь тысячи разныхъ способовъ обдѣлать это дѣло. Только въ Петерб. и можно разъяснить его, съ глазу на глазъ, въ присутствіи тѣхъ мошенниковъ, которые украли ихъ. Скажи ему прямо, что книги посланы иностранцемъ, которому нѣтъ дѣла ни до нашей божественной цензуры, ни до нашихъ пошлыхъ цензоровъ. Этотъ иностранецъ требуетъ отъ него возвращенія книгъ въ Парижъ, если онъ не можетъ отдать ихъ тамъ. Поставь вопросъ ясно, и я увѣренъ, что 300 фр. черному псу не будутъ брошены. Говорятъ, ты сдѣлался храбрѣй; лучшаго не могу пожелать тебѣ даже для новаго года.

2. Я забылъ въ прошломъ письмѣ поправить эпитафію Людовику XV, которая стоитъ въ примѣчаніи къ статьѣ о Тюрго. Эта эпитафія начин. такъ: *Ci—git* и проч. Послѣдніе три стиха надо измѣнить такъ:

*Français ne faites plus la mine,
Il rend comte sur le charbon.
Des vols qu'il fit sur la farine.*

Вставь ихъ, пожалуйста, вмѣсто тѣхъ трехъ стиховъ, которые написаны въ рукописи. Память измѣнила, и я переправлялъ ихъ, а потомъ встрѣтился съ ними въ книгѣ.

Почему ты не пишешь ни слова о смѣнѣ Палаузова? 2). Вѣдь это такой фактъ, по которому можно догадываться о многомъ; онъ прямо относится ко мнѣ. Что-то теперь сдѣлаетъ „Р. Слово“? Оно могло составить себѣ, если не завидную, то порядочную репутацію, благодаря превосходному цензору. Мы шагаемъ быстро къ развязкѣ. Я въ одномъ убѣжденъ, что худшаго быть не можетъ.

1) Рѣчь идетъ о статьѣ „Значеніе Парижскаго университета“, напечатанной въ январской (первой) книжкѣ „Русскаго Слова“ 1859 года. Ясно, что статью эту, еще осенью 1858 года, взялъ у Благосвѣтлова самъ г. Кушелевъ-Везбородко, издатель журнала, а не Полонскій, какъ рассказываетъ Шелгуновъ (см. стр. VIII біограф. очерка при собраніи сочиненій Благосвѣтлова).

2) Цензоръ „Русскаго Слова“.

Не знаю, что съдѣлають съ моимъ „Кольберомъ“ и „Тюрго“,—признаюсь, работать страшно не хочется. Незвѣстность хуже всякаго извѣстнаго зла; ей обязанъ я совершеннымъ разстройствомъ здоровья. Не знаю отчего, но съ твоимъ отъѣздомъ на меня стали набѣгать такія грустныя, тяжелыя минуты, что, право, жизнь становится проклятіемъ. Я никуда не выхожу, ничего новаго не приобретаю: газеты еще кой-чѣмъ интересуютъ, да и все тутъ. Не знаю, насколько справедливо мое чутіе, но мы живемъ наканунѣ какого-то ужаснаго разгрома; я читаю его въ признакахъ времени и своей собственной тоски.

Сближеніе Франціи съ Англіей и, вѣроятно, уступка первой—Савой и Ниццы—тебѣ, конечно, извѣстны. Католич. поны, разбуженные брошюрой, какъ летучія мыши, побиты вдвойнѣ—и въ литературѣ, и въ политикѣ. Въ Парижѣ ходитъ слухъ, что Валуевскій смѣненъ за будущую взятку; ему обѣщано низложен. принципами 1 милліонъ до конгресса, другой во время конч. и третій послѣ. Наполеонъ III узналъ это и прогналъ своего родича. Императоръ жандармовъ очень много работаетъ.

VII.

1859 г., февраль.

Неосторожнѣйшій изъ самыхъ осторожныхъ Василій Петровичъ, твое послѣднее письмо стоило мнѣ стакана, который я разбилъ отъ испуга. Я никакъ не думалъ, чтобъ твои дипломатическія способности такъ низко падали. Прежде чѣмъ разѣзжаться по Дюфурамъ, ты потрудись спросить у Гейгенбаха, какія книги должны быть посланы. Ну что, если Мелье перемѣнилъ какъ-нибудь, да отправилъ протестантскія вмѣсто католическихъ,—вѣдь ценз. комитетъ отвѣдетъ мнѣ даровую квартиру въ Петровавл. крѣпости мѣсяцевъ на шесть.

Разумѣется, книги посланы съ тѣмъ, чтобъ ты получилъ ихъ отъ Дюфура; другія имена здѣсь ничего не значать; но вотъ вопросъ: какъ получить ихъ? На это нужна вся твоя споровка, умѣнье и, главное, способность понимать меня, когда я не могу очень ясно выражаться. Потрудись, пожалуйста, такъ распорядиться: спроси Гейгенб., какія книги я поручилъ Мелье, и потомъ, когда пережуетъ его отвѣтъ, попроси кого-нибудь изъ очень близкихъ людей, хорошо знающихъ Дюф., выручить эти книги и что слѣдуетъ заплатить за пересылку ихъ. Я тоже что-то слышалъ о Панинскомъ, но, я думаю, его вовсе не существуетъ на свѣтѣ. А что ты ненялъ?

Гейгенбаху нечего надуваться. Моя записка была взаимной грубостью, вызвавною имъ самимъ. Онъ употребилъ выраженіе: „Comme si vous avez dit à M. Vlag....“ Вѣдь это, я думаю, очень пошло. Съ чего же онъ взялъ думать, чтобъ я оклеветалъ или солгалъ на Мелье. Говорить подобныя вещи на далекомъ разстояніи можно, но на близкомъ не советѣмъ удобно. Вѣдь это то же значило: если не

лжетъ онъ, то вы, франц. подмастерье, развяжитесь съ нимъ. 2) Васъ и вѣжливости-то понимаютъ на свой ладъ, и грубости говорятся безъ сознанія. Потому я и поднесъ ему свою собственную пилю 1), на которую жаловаться нельзя, потому что кто даетъ ихъ, тотъ и долженъ принимать. Растолкуй ему это; я не имѣю причины особенно гнѣваться на него, но наступить себѣ на ногу тоже не позволю каждому слесарю по типографіи. Онъ, въ первую минуту моего знакомства съ нимъ, видѣлъ во мнѣ человѣка, способнаго быть очень вѣжливымъ, но вѣжливымъ до тѣхъ поръ, пока я вижу въ другомъ, кромѣ свѣтскихъ „*ridicules precieuses*“, и честность. Относительно предложенія его выслать мнѣ деньги—пошли его къ чорту. Я знаю не только нѣмецкую, но и русскую щедрость. Я требую не денегъ, а чести слова и рекомендаціи. А что, домъ умалишенныхъ все еще на седьмой верстѣ отъ Петерб., или ближе? *Beati i poveri di spirito*, говор. итал. пословица.

О Зотовѣ и его литературной чести не спорю съ тобой 2). Дѣло не въ еврейхъ, а въ принципѣ; вѣдь и мы—христиане—не далеко ушли въ нравственныхъ доблестяхъ. Ты бы прибавилъ къ Краевскому и Курочкину еще Галахова или Семеваго и потомъ бы заключилъ: видишь ли, неучъ, какія знаменитости бываютъ у Зотова; слѣдовательно, онъ—добродѣтельнѣйшій человѣкъ. А что логика Бахмана все еще преподается у насъ?

О „Рус. Словѣ“, вмѣсто пустой импровизаціи, я думаю, не мѣшало бы прибавить, что говорится о журналѣ въ обществѣ, въ чемъ выразилось его направленіе или тѣнь направленія, отпечатанъ ли мой „Маколэ, какъ ораторъ“ 3), или нѣтъ, и какъ напечатанъ; если онъ вышелъ скверенъ, нечего молчать, если хорошъ—тоже не мѣшаетъ сказать. Ты очень щедръ на пустяки, но фактами скупнѣе. Вотъ будешь за-границей,—увидишь, что значитъ хорошее, толковое свѣдѣніе кабинетному человѣку, отдѣленному отъ родного міра 12 тыс. миль, и оцѣнишь, что значитъ умное, искреннее и теплое письмо. Мнѣ и въ этомъ надо просить свою судьбу Христа ради. Эхъ! гадость — жизнь, если повернешь ее вмѣсто права да налево.

О сіятельной бездарности нечего иначе думать 4). Это мальчишка, накрытый юбкой пройдохи женскаго рода. Статья твоя во всякомъ случаѣ будетъ напечатана, если пойметъ ее графская безмозглость.

Ты меня не очень испугаешь тѣмъ, что отложишь свою поѣздку,—я привыкъ къ географическимъ меридіанамъ и всегда любилъ уединеніе, если нѣтъ общества,—но себѣ повредишь. Мнѣ кажется, тебѣ слѣдовало проситься на 6 мѣсяцевъ, а потомъ изъ-за-границы черезъ

1) Должно быть—„пилюлю“.

2) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ инцидентѣ, начавшемся гнусной статьей въ „Иллюстраціи“ В. Р. Зотова—„Западно-русскіе жида и ихъ современное положеніе“, а кончившемся коллективнымъ протестомъ русскихъ литераторовъ всевозможныхъ направленій.

3) Статья озаглавлена потомъ: „Ораторская дѣятельность Маколэ“.

4) Гр. Кушелевъ-Безбородко, издатель „Рус. Слова“.

посольство представить свидѣтельство о болѣзни, — и дѣло съ концѣмъ. Во всякомъ случаѣ, хорошо дѣлаешь, что ѣдешь на 11 мѣсяцевъ. Послѣ 3 первыхъ мѣс. каждый день будетъ новой школой для тебя.

Мои глаза немного лучше; но все еще плохо видать, и работать положительно запрещено. Съ утра и до вечера играю на скрипкѣ, — одного сосѣда выгналъ и другого надѣюсь прогнать. Зато первые аккорды вытвержены оглично. Когда ослѣпну совершенно, пойду въ уличные музыканты: все же кусокъ хлѣба, и едва ли не болѣе легкій, чѣмъ литератора.

Поклонись Евгенію Алексѣвичу и Петру Михайловичу.

VIII.

1859 г., 26 апрѣля. Фонтенай.

Послѣднее твое письмо подарило мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ; я вырослъ ихъ. Искренно благодарю. Для меня всегда казалось величайшимъ изъ золъ — потеря вѣры въ самого себя, въ свои силы и отвагу. Кажется, это нравственное разложенье подходитъ ко мнѣ. Страхъ этого положенія тяготитъ меня тяжестью Мольтъ-Блана. Съ той минуты, когда изсякнетъ послѣдняя капля самоувѣренности, существованіе для меня сдѣлается безразличнымъ, а какъ скоро оно безразлично, прощай и дѣятельность, и борьба, и, если угодно, жизнь. За этой чертой лежитъ одна могила, т. е. горсть пыли и тѣнь ничтожества. Вотъ что отуманиваетъ мою мысль и косвенно падаетъ темнымъ отбѣнкомъ на мои письма къ тебѣ. Если еще останется воля и силы, увижу берегъ и устрою пристань.

Но силы падаютъ, юношескій огонь потухъ и сквозь сѣдья приди волосъ проглядываетъ отвратительное качество человека — малодушіе. Не думай однако-жъ, чтобъ я ошибался насчетъ своего положенія. Я принялъ его по доброй волѣ и не по ошибкѣ: я зналъ, что ожидало впередъ, я зналъ его трудъ и горечь, но не могъ измѣрить силъ, которыя необходимы, чтобъ вынести его. Въ этомъ весь вопросъ моей души, моихъ назойливыхъ просьбъ къ тебѣ. Я считалъ бы кровной обидой и для тебя, и для себя, еслибъ не былъ прямодушнѣе съ тобой: твои утѣшенія (еще разъ благодарю за нихъ) имѣютъ огромное значеніе для меня, но они отзываются какимъ-то официальнымъ тономъ. Остались ли мои друзья вѣрны мнѣ или нѣтъ — это всего менѣе интересуетъ меня. Я сталъ равнодушенъ къ звукамъ, подъ которыми мало дѣйствительнаго смысла. Дружба — героизмъ, — высокое мужество, которому нѣтъ предѣловъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понималъ это святое имя. Я заплатилъ ему свой долгъ, можетъ быть, безумно и неразсчитливо, но заплатилъ сполна. Оставь мнѣ нѣсколько твоего искренняго расположенія, и я больше не буду просить. Что касается до любви, въ моей душѣ всегда было мѣсто для этого чувства; но разорванный нервъ трудно настроить попрежнему. Отъ этого тайнаго, глубокаго и не

раскрывшагося вулкана осталась куча пепла и нѣсколько искръ. Прими это слово въ менѣ широкомъ значеніи, и тогда я скажу и соглашусь, что есть люди, которые, дѣйствительно, отдали мнѣ съ теплою рукою и теплое сердце. На это не жалуюсь, но это вчужѣ. Объ извѣстности я всего меньше хлопоталъ; я знаю срокъ ея и степень. Извѣстность дается годами и заслугами. Доселѣ я хотѣлъ быть усерднымъ работникомъ, чистымъ жрецомъ науки, не той пошлой академической науки, какъ ее понимаютъ у насъ, нѣтъ — науки, какъ средства къ развитію въ себѣ прежде всего человѣка. Половина пути самаго скучнаго и труднаго — пройдено; за вторую половину боюсь и горюю. Когда я прошу тебя сообщать мнѣ всякое замѣчаніе, всякое сужденіе — и личное, и другихъ — о моихъ печатныхъ бездѣлицахъ, это не значитъ, чтобъ я напрашивался на похвалу. Я хочу суда, потому что жажду совершенства. Я не слышу ни голоса критики, ни отзывовъ частныхъ; я живу далеко отъ того міра, который въ правѣ миловать и казнить меня, безъ протеста и апелляціи: въ такомъ положеніи, ты поймешь, больше чѣмъ интересно знать мнѣніе людей, достойныхъ моего уваженія. Ты не хочешь звѣсигъ этого требованія или держишься правила старой басни, очень популярной у насъ, но слишкомъ преувеличенной тобой. Переписка съ человѣкомъ, поставленнымъ въ самыя невинныя отношенія къ тебѣ, не вредитъ даже тогда, когда-бъ этого человѣка вели на висѣлицу. Мнѣ больно за это, больно, потому что я вѣрю и пылко вѣрилъ въ тебя. Дай Богъ, чтобъ этотъ вопросъ скорѣй окончился. Реакціи моей души круты и невозвратны. Умоляя тебя о подробностяхъ, я умоляю о знаніи дѣла, которое мнѣ нужно. Почему, напримѣръ, не сказать, что ты думаешь о той или другой моей статьѣ, что думаетъ N и что думаетъ X. — все это дорогіе факты для меня. Отъ нихъ зависить многое не только въ успѣхѣ, но и въ моихъ отношеніяхъ къ Россіи, въ которую я долженъ возвратиться.

Относительно книгъ можно успокоить меня однимъ ловкимъ словомъ; я пойму его и перестану думать ¹⁾.

Жалко и очень жалко, что такое прекрасное предпріятіе, какъ журналъ Куселева, упадетъ ²⁾. Графа я никогда не считалъ выше глупаго мальчишки, но его журналомъ всегда дорожилъ; онъ могъ безкорыстно помочь р. литературѣ и освободить хоть нѣсколькихъ писателей отъ каторжной работы на Краевского или Панаева ³⁾. Это много значитъ у насъ; это страшно много значитъ для тѣхъ, которые хотятъ прожить десять лѣтъ лишенныхъ и трудомъ литератора обезпечить себѣ дневной кусокъ хлѣба. Разсуди объ этомъ и увидишь, что это первый вопросъ нашего успѣха, нашей цивилизаціи. Литераторъ и чиновникъ или помѣщикъ всегда будетъ дрянъ, если онъ соединяетъ въ себѣ эти два призванія. Я говорю не за свое

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о той „незаконной“ которую такъ давно Благосвѣтловъ послалъ Попову, а послѣдній долго не могъ ее получить.

²⁾ Послѣ выхода оттуда Я. И. Полонскаго.

³⁾ Краевскій издавалъ „Отечественныя Записки“, а Панаевъ съ Некрасовымъ — „Современникъ“.

собственное рабство, но и за другихъ. Краевскій, какъ м. явление обыкновенное; онъ-то и выплываетъ, когда вы не сумѣете поддержать „Рус. Слово“. Разумѣется, ничего не могло быть нелѣпѣе, какъ призвать къ себѣ холоуя въ критики, подобнаго Ап. Григор. ¹⁾. Но что же дремлетъ Полонскій? Почему не протестуютъ другіе? Въ васъ нѣтъ ни капли любви къ общему дѣлу: мы служимъ и больше этого ни на что не способны. Попроси отъ меня Полонскаго, что я посылаю ему свои статьи, и только ему, и никогда бы не желалъ вмѣшат. московскаго кожевника ²⁾ въ мои литературные взгляды. Переговори объ этомъ съ Половскимъ и передай мнѣ его мнѣніе; я боюсь за урывки, поправки и измѣненія своихъ статей, если онѣ будутъ проходить сквозъ рецензію Ап. Григорьева; поговори объ этомъ обстоятельно. Не знаю также, почему онъ не хочетъ отвѣтить, что рѣшено у нихъ относительно корреспонден. о Монтанелли ³⁾. Личнаго отвѣта его я не требую; онъ можетъ сказать тебѣ, а ты передашь его. Къ июню я пошлю новую статью въ „Рус. Слово“, также объ Италіи; это вопросъ живой и всей Европы, вопросъ глубокий и свободный ⁴⁾... У насъ нѣтъ политическаго чутія,—надо развивать его.

Я просилъ о деньгахъ; пожалуйста, нислѣши выслать ихъ, если заплатятъ за мои послѣднія работы. Я нуждаюсь. Передъ отъѣздомъ твоимъ за-границу я попрошу взять у Кушелева даже впередъ, хоть за одну работу—не больше, попрошу его письмомъ. И если онъ обяжетъ меня, я проведу съ тобой первый мѣсяцъ беззаботно. Это нужно для твоего перваго взгляда на заграничную жизнь.

Да, пожалуйста, слушай мои совѣты. Выѣзжай въ концѣ мая. Знаю, разлука твоя будетъ тяжелая ⁵⁾, но жертва искупается вполнѣ полезнымъ результатомъ. Чѣмъ раньше выѣдешь весной, тѣмъ больше увидишь на первый разъ, тѣмъ легче войдешь въ новую сферу. Это такъ.

Благ.

IX.

5 января. 1860.

Твой третій рапортъ изъ Петербурга дошелъ благополучно и своевременно. Изъ всего, что ты повелѣваешь знать мнѣ, я, собственно, ничего не знаю, кромѣ печальнаго положенія Евг. Алексѣевича ⁶⁾. Разумѣется, я не могу оправдывать отца; онъ спятъ съ ума отъ старости лѣтъ и красно- ⁷⁾ зарембы, но не могу

¹⁾ Конечно, Ап. Григорьевъ.

²⁾ Григорьевъ.

³⁾ О статьѣ „Реформа Италіи, какъ понимать ее Монтанелли“.

⁴⁾ Статя „Надежды Италіи“.

⁵⁾ Съ женой.

⁶⁾ Инспекторъ Павловскаго института, расположенный къ Благо-свѣтлову.

⁷⁾ Слово не разобрано.

(насколько мнѣ можно играть роль жюри въ чужихъ процессахъ) согласиться и съ тобою, что всѣ окружающіе люди мѣшаютъ нашему счастью. Да на что же наша добрая воля и кусокъ мозгу, данный каждой головѣ?

Въ нервныхъ болѣзняхъ, разумѣется, магнетическія средства— почти единственные средства; но не они первыя. Спокойствіе, мягкость воздуха и теплота чувства близкихъ людей— вотъ лучшій спаситель отъ столбняковъ и аневризмовъ. Я самъ страдаю сжатіемъ сердца, во и спасибо скажу судьбѣ, если она совершенно разорветъ его. Поздно же ты увѣровалъ въ магнетизмъ; какъ будто эгоизмъ долженъ мѣшать тебѣ видѣть даже въ вѣрованіяхъ; будь помягче, полюбезнѣй—и непременно увѣруешь во многія вещи, а вѣра спасетъ тебя отъ паралича.

Сочиненія Полежаева, если хочешь передать прямо мнѣ черезъ кого-нибудь, то давай; а то вели бросить въ Берлинѣ, прямо по назначенію. Тар. ¹⁾ скажетъ тебѣ не малое спасибо.

Я все ожидалъ, авось хоть слово скажешь,—напечатанъ „Кольберъ“ въ декабрѣ или нѣтъ? Ты знаешь, что „Рус. Слова“ въ Парижѣ нѣтъ, а другихъ журналовъ достать почти невозможно.

Второе—я желалъ бы знать, сколько заплатилъ Зотовъ за Лолу Монтесъ? ²⁾ Знать—ради любопытства и хоть какого-нибудь факта.

Столько же интересуютъ меня отношенія мои къ редакціи „Рус. Слова“. „Монтанелли“ не высылаютъ, и ни одного слова въ отвѣтъ. Пожалуйста, разъясни всѣ эти гадости и подлости совершенно откровенно; поставь вопросъ такъ, какъ я поставилъ бы его: дальше писать для гнусной редакціи нѣтъ ни желанія, ни возможности. Со всѣми лишеніями бѣдности готовъ помириться, чѣмъ мѣшаться въ это стадо ословъ. „Отеч. Зап.“, „Библиот.“ и „Рус. Вѣстн.“ съ меня довольно. Если „Тюрго“ не возьмутъ, не замедли отдать его Краевскому; но пусть не ошибаются: я отдаю имъ 1-ю статью и только ее за 300 р. сер., а за вторую—счетъ будетъ особенный. „Тюрго“ стоилъ большого труда, и если не оборветъ цензура—выйдетъ недурень ³⁾.

А почему твои статьи отложились до февраля? Я одного боюсь: ты выдашь и себя, и меня Хмѣльницкому ⁴⁾. Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь; я помню твое мудрое правило: „вѣдь всѣхъ нельзя передѣлать на свой ладъ“.—Но прогнать дурака съ чужого ему мѣста всегда слѣдуетъ порядочному человѣку.

Сдѣлай милость, вставь поправки въ статью „Тюрго“. Я прилагаю ихъ здѣсь,—и прошу убѣдительно тебя вписать ихъ въ руко-

¹⁾ ?

²⁾ Въ №№ 91 и 92 „Иллюстраціи“ 1859 г. статья „Автобіографія Лолы Монтесъ“.

³⁾ Напечатана въ „Рус. Слова“.

⁴⁾ Л. А. Хмѣльницкій, человѣкъ совершенно необразованный и нелитературный, по странному капризу Кушелева, велъ журналъ 1859 года и совсѣмъ-было погубилъ его своимъ неумѣніемъ.

пись. Онѣ очень важны. Безъ твоей корректуры эти невѣжки и мерзавцы опять испортятъ работу. Спаси отъ литературной милиціи.

Ну, что новаго у васъ? Авось не побойшьясь написать хотя о смерти своего кума и назначеніи Муравьева ¹⁾. Хотѣлось бы знать, что цензура Корфа и Гончарова съ компаніей? ²⁾. Неужели крыса и бульдогъ также способны цензуровать человѣческую мысль! Исполать нашему прогрессу! Еще немного—и мы, дѣйствительно, убѣдимся, что игра въ жмурки не есть настоящая реформа.

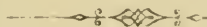
Ну, конгресса не будетъ. И опять мы отличились; какъ будто по ту сторону Одера ни въ одной головѣ даже нѣтъ собачьяго смысла. *À la bonne heure*—въ дружбу съ Австріей.

Тебѣ кланяется *Chasferant* и совѣтуетъ не только быть здоровымъ, но и не ругать Европу, вовсе не виноватую въ нашемъ пристрастіи къ отечеству, съ чеснокомъ и хрѣномъ.

Въ Парижѣ опять дуэль и опять дождь. Тепло весеннее; первый день новаго года былъ удивительный. Я отдыхаю четвертый день; вчера обѣдалъ у Шантини и познакомился съ *Recluse*; сегодня прогналъ отъ себя нахала Гейгенбаха, отвратительную гадость, какую я только недавно узналъ. Хитрость—эта способность крысъ и кошекъ, интриги и ложь всякаго чувства въ немъ развиваются быстро. А что мой процессъ съ Семевскимъ ³⁾—не подбавить ли?

Поклонись женѣ и скажи душевное желаніе выздороветь совершенно.

Говорятъ, Тимашева смѣнили ⁴⁾. Тебѣ есть искренній привѣтъ изъ Лондона ⁵⁾...

¹⁾ Неизвѣстно, о какомъ Муравьевѣ идетъ рѣчь. Если о М. Н., то, будучи съ 1857 по 1862 г. министромъ госуд. имуществъ, въ 1860 г. онъ не получалъ никакого назначенія.

²⁾ Рѣчь идетъ о пресловутомъ „Bureau de la presse“ 1859 года, гдѣ Корфъ игралъ активную роль, а Н. А. Гончарова приглашали туда дѣлопроизводителемъ. (Подробности объ этомъ высшемъ цензурномъ учрежденіи интересующіеся найдутъ въ моей книгѣ „Очерки по исторіи рус. цензуры и журналистики XIX стол.“. СПб. 1903 г.)

³⁾ М. И. Семевский, издатель „Русской Стрипы“.

⁴⁾ А. Е. Тимашевъ, бывший тогда управляющимъ III отдѣленіемъ.

⁵⁾ Отъ Герцена.